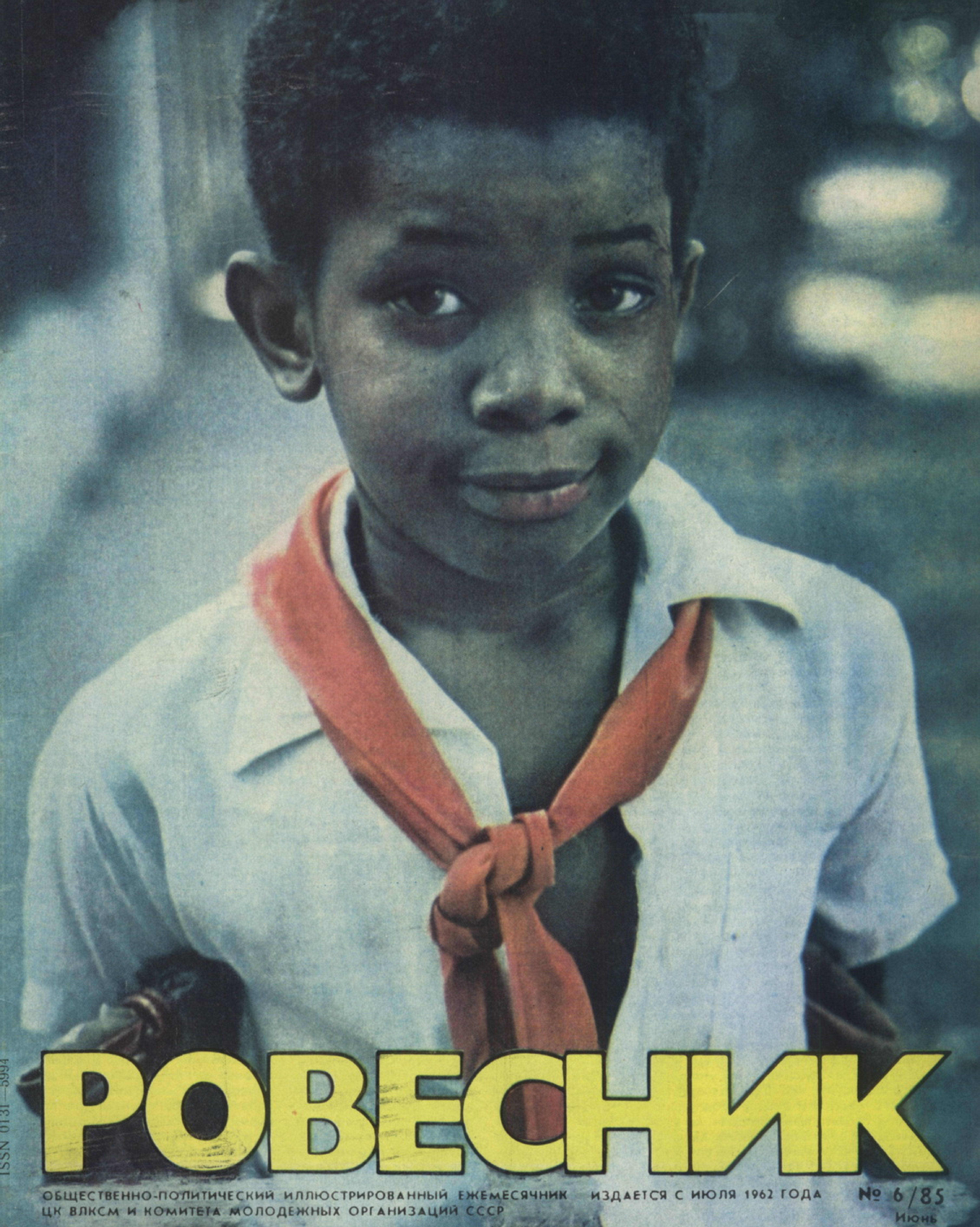

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА
№ 6/85
Июнь
ISSN 0131—5994

БЕРЛИН. Одним из главных направлений подготовки молодежи ГДР к Московскому фестивалю газета «Юнге вельт» называет движение за повышение трудовой активности. Его цель — увеличить вклад молодого поколения в решение важнейших экономических задач республики. Среди них рационализация производства, электрификация железных дорог, внедрение достижений научно-технического прогресса в производственную практику. Крупным политическим и культурным событием стал Национальный фестиваль молодежи, который был одним из этапов подготовки к XII Всемирному.

Н а с н и м к е: демонстрация молодых берлинцев в поддержку XII Всемирного фестиваля в Москве.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

МОСКВА,

ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ. «В современной международной обстановке, обострившейся вследствие агрессивной милитаристской политики США и стран НАТО,— сказал представитель Социалистической немецкой рабочей молодежи (ФРГ) Йорг Цезанн,— в условиях возросшей опасности ядерной войны важное значение приобретают антивоенные действия молодежных организаций, их борьба за разоружение, за мир. У нас в ФРГ важнейшие молодежные организации не поддерживают правительство, стоят к нему в оппозиции. Это находит отражение и в борьбе против размещения новых американских ядерных ракет на нашей территории, в борьбе за демократизацию общественной жизни страны, за основные политические и социально-экономические права молодежи, в борьбе против милитаризма и неофашизма. Готовясь к XII Всемирному фестивалю, мы стремимся объединить усилия молодежных организаций разных направлений для проведения мероприятий в защиту мира, в защиту прав молодежи».

ДУБЛИН. Секретарь НПК Ирландии Юджин Маккартан рассказал: «Приятно отметить, что в нашем Национальном подготовительном комитете принимает участие вдвое больше организаций, чем при подготовке к XI Всемирному. Мы обсуждаем в товарищеской обстановке те проблемы, которые волнуют представителей всех слоев молодежи: разоружение, сохранение нейтралитета Ирландии, права молодых женщин, участие молодежи в делах общества, безработица. Эти вопросы мы обсуждаем на семинарах и конференциях в ходе подготовки к Московскому фестивалю. Профсоюз учителей проводит в школах викторины, конкурсы на фестивальные темы, победители будут награждены путевками в Москву».

АСУНСЬОН. Представитель молодежи Парагвая Хулио Рохас сообщил, что, несмотря на репрессии профашистской диктатуры Стресснера, в стране подпольно действует Национальный подготовительный комитет, он распространяет среди молодежи информацию об идеях XII фестиваля, о подготовке к нему в других странах мира. На улицах городов Парагвая появляется лозунг XII Всемирного, призывающий к антиимпериалистической солидарности, приветственные надписи: «Да здравствует XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов!» В Москву обязательно приедет делегация парагвайской молодежи, хотя, естественно, она будет немногочисленна.

ПНОМПЕНЬ. Древняя легенда о птице счастья Феникс, которая сгорела в пламени и из пепла возродилась вновь, веками символизирует веру в творческую силу человека. Для Кампучии сегодня этот символ особенно нагляден: доведенный до вымирания полпотовскими головорезами народ возродился к жизни. Всемирно известный балетный коллектив Кампучии тоже был уничтожен полпотовцами, но за небывало короткий срок чудом сохранившиеся в живых танцовщицы воспитали новое поколение апсар, исполнительниц народных танцев.

Н а с н и м к е: солистка национального балета исполняет танец «Феникс», который предполагается показать в Москве во время фестиваля.

ЛОНДОН. «Как представитель коммунистической молодежи,— сказал национальный организатор Лиги молодых коммунистов Великобритании Брайан Джонс,— я хотел бы отметить, что самая острая наша проблема — это безработица. С ней сталкиваются наши сверстники и в других капиталистических странах, и я уверен, что она будет обсуждаться на XII Всемирном фестивале в Москве. Но все проблемы и все вопросы сегодня самым тесным образом связаны с борьбой за мир. Это центральный вопрос современности. И поскольку в мире существует ядерное оружие, цель XII Всемирного — объединить усилия молодежи в борьбе за мир, за свое будущее — как никогда важна и насущна». Молодые англичане, готовясь к фестивалю, активизируют свою борьбу за право на жизнь, за право на труд.

На снимке: одна из демонстраций под лозунгом «Дайте молодежи будущее!».

1985

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

КОПЕНГАГЕН. «У нас в стране молодежным фестивалям уделяется большое внимание,— рассказывает Могенс Могенсен, член ЦК Коммунистического союза молодежи Дании.— Мы принимали участие во всех одиннадцати прошедших фестивалях и, безусловно, приедем в Москву. В НПК Дании вошли представители самых различных по политическим взглядам молодежных организаций, и все они придерживаются того мнения, что, готовясь к фестивалю, следует сконцентрировать внимание на основных направлениях. Таких, как солидарность с народами Никарагуа и Сальвадора,— мы собираем деньги на строительство двух школ в этих странах. Борьба за мир и прежде всего против размещения на нашем континенте американских ракет, за создание безъядерной зоны в Северной Европе. Мы боремся за то, чтобы молодежь имела возможность получить образование, профессию и работу. И еще одно направление — это рассказ о жизни советской молодежи. Мы уверены, что XII Всемирный — это одна из таких акций, которые помогут сохранить мир на Земле».

ТОКИО. В Японии полным ходом идет сбор подписей под воззванием о полном запрещении и ликвидации ядерного оружия. Воззвание обращено не только к японцам, но и ко всем людям Земли и было принято международной консультативной встречей, в которой приняли участие представители Всеяпонского совета за запрещение атомного и водородного оружия, объединений лиц, пострадавших от атомных бомбардировок, и борцы за мир ряда стран. В сбор подписей под воззванием включились активисты фестивального движения Японии.

На снимке: молодые японцы протестуют против захода на японскую морскую базу в Йокосука американского авианосца «Карл Винсон» с атомными зарядами на борту.

АДДИС-АБЕБА. Секретарь по внешним сношениям Ассоциации революционной молодежи Эфиопии Херон Эммануэль рассказал, что XII Всемирный — второй фестиваль, в котором примет участие молодежь республики. Чтобы лучше подготовиться к московской встрече, НПК провел несколько местных фестивалей, где выявились лучшие певцы, танцоры, спортсмены. «Эфиопия потерпела большой урон от сильной засухи,— сказал Херон Эммануэль.— Наша организация участвует в справедливом распределении продуктов питания. Мы благодарны за оперативную интернациональную помощь, оказанную нам Советским Союзом и другими социалистическими странами».

МАНИЛА. «Хочу заверить, что мы приложим все силы для успеха XII Всемирного»,— заявил Педро Багиза, председатель НПК Филиппин, и рассказал, как в его стране идет подготовка к фестивалю. Входящие в НПК организации проводят демонстрации в защиту мира, против гонки вооружений, симпозиумы и лекции о фестивальном движении, о его идеях и лозунгах.

1 ИЮНЯ – МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ

СМОТРИТЕ:

Дети на стройке — это Азия. Крохотный землекоп — это Латинская Америка. Щуплый грузчик-подросток — это Европа, высокоразвитая Франция. Подсчитано: сегодня на нашей планете 75 миллионов детей используются на непосильных работах. Маленький африканец знает, что такое голод. Английский шахтерский сын держит плакат: «Я — часть этой забастовки. От нее зависит мое будущее»,— он знает, что такое отцовская безработица. Подсчитано: 80 миллионов детей сегодня на нашей планете не имеют крова над головой. Миллионы детей стали калеками в результате войн, вспыхивающих в разных концах планеты.

Такие вот цифры на 1 июня, на первый день лета...

АЩИТЫ ДЕТЕЙ

В Бирмингеме, штат Алабама, жила-была маленькая девочка. Жилось ей трудно — даже в Америке мало мест, где бы так скалил зубы расизм.

Переулки и пустыри, где она играла, так и прозвали — «Динамитный холм». Ей не нужно было спрашивать почему. Вполне взрослые белые нет-нет да подкладывали тут во дворы и подвалы динамит, чтобы взорвать кого-нибудь из черных.

В 1963 году грохнула, разлетелась на куски негритянская церковь. Погибло немало черных семей и в том числе четверо детей. Ее соседки, ее подружки. Расизм растерзал свои жертвы совсем рядом.

Быть может, именно это событие нацелило всю жизнь Анджелы Дэвис на сражение против политических, расовых преследований, за демократические права своего народа. Но ее верность этим, к слову, даже провозглашенным в кое-каких государственных документах США идеалам вызвала ярость тех, кто следит за благонадежностью.

Последствия известны[1] *Провокация. Судилище, которое стало, пожалуй, самым позорным процессом того десятилетия. Самоотверженная борьба Анджелы и ее друзей во всем мире за ее освобождение, за право заниматься преподаванием вне зависимости от политических убеждений.*

Когда-то губернатор штата Калифорния по имени Рональд Рейган бросил что-то вроде: «Эта Дэвис никогда не поднимется больше на лекторскую кафедру в моем штате».

Нет, поднялась. Поднялась даже выше — на последних президентских выборах демократически настроенная Америка выдвинула знаменитую негритянку кандидатом в вице-президенты.

Я беседую с Анджелой Дэвис в кулуарах нью-йоркской конференции «Марксизм и искусство». Много читал и слышал о своей собеседнице, но вижу ее впервые. Впечатление такое: это тот человек, в котором все прекрасно. Пышная, в стиле «афро» копна волос украшает лицо, которое могло бы принадлежать киноактрисе. Одета подчеркнуто современно. Весь облик — сплав индивидуальности, красоты и энергии.

И подумалось: такой и должна быть Анджела Дэвис, душа и совесть молодой рабочей Америки. Об этой Америке, ее думах и надеждах — наша беседа в то воскресное утро в переполненном гудящем зале на 23-й улице нью-йоркского Манхэттена.

— Советский читатель много знает об Анджеле Дэвис 70-х годов. Но чем вы заняты, чем увлечены сегодня?

— Преподаю в государственном университете Сан-Франциско и там же в институте искусств. Занятия, лекции не прекращала даже в

[1] В 1969 году А. Дэвис была уволена из Калифорнийского университета, где преподавала философию. В октябре 1970 года за свои прогрессивные взгляды была арестована по сфабрикованному против нее ложному обвинению «в соучастии в убийстве».— Прим. ред.

АНДЖЕЛА ДЭВИС О ЮНОЙ АМЕРИКЕ, МОСКОВСКОМ ФЕСТИВАЛЕ И РОК-Н-РОЛЛЕ

Владимир СИМОНОВ,
корреспондент АПН —
для «Ровесника»

дни избирательной кампании. Была кандидатом в вице-президенты без отрыва от любимого дела. Кроме того, я один из сопредседателей Национального союза борьбы против расовых и политических репрессий. Работаю в этой организации со дня основания.

Сегодня, когда в Белом доме осталась та же администрация, еще более неотложной стала задача развернуть движение в поддержку интересов трудовой Америки. Надо также усилить наступление на расизм. И самое главное — добиться того, чтобы антивоенное движение росло вширь и вглубь.

— Знаю, вы участвовали в прошлом в одном из Всемирных фестивалей молодежи и студентов...

— Не в одном — в двух.

— Что осталось в памяти от тех дней, что запало в душу?

— Место моего первого свидания с фестивалем — Хельсинки, Финляндия. Я как раз окончила тогда первый год учебы в университете. Отправилась же в Хельсинки вот почему: мне страшно хотелось ощутить себя частицей молодежной общины мира, испытать чувство солидарности там, где оно сильнее всего, это было время, когда на Кубе только что победила революция. Поэтому мое самое яркое воспоминание о фестивале связано с кубинской делегацией. С тем героическим ореолом, каким она была окружена в Хельсинки. У нас, юных американцев, перехватывало дыхание от мысли, что вот там, прямо на «заднем дворе американского империализма», свершилась революция и целый народ приступил к строительству, нет, не нового банка, не нового концерна — нового социалистического общества!

Мое второе свидание с фестивалем состоялось в Берлине, столице ГДР, в 1973 году. Как раз после судилища надо мной, которое завершилось годом раньше. Судебный процесс породил поразительную по размаху волну международного протеста. Его лозунгом было «Свободу Анджеле Дэвис!». Вероятно, поэтому меня и пригласили на фестиваль в Берлин. Не забыть той чести, какой меня там удостоили,— прочитать заключительное обращение к юности мира.

У каждого в жизни бывают периоды горя, трудностей, неудач. В таких случаях я мысленно возвращаюсь на улицы Хельсинки и Берлина. В те фестивальные дни. И, знаете, помогает!

— Вернемся из вчера в сегодня, в Соединенные Штаты. Что происходит с американской молодежью, мисс Дэвис? Я читаю в здешних газетах, что нынешняя администрация США «черпает силы из фонтана молодости». Имеется в виду поддержка, которую будто бы оказали президенту на выборах молодые избиратели. В зеркале прессы юный американец предстает карьеристом и стяжателем. Для него доллар якобы важнее идеалов социальной справедливости. Так ли это в действительности?

— Периодически здешняя пресса действительно берется анализировать общественные настроения. На самом деле это не анализ. Это попытка навязать читателю свое мировоззрение. Промывание мозгов рядится в одежду социального исследования.

Никакого сдвига вправо американской молодежи, да и вообще большинства американского населения нет и в помине. Что мы наблюдаем, так это поправение правящего класса. Налицо его страстный роман с крайней реакцией. Конечно, кое-кто из молодых избирателей отдал голоса Рейгану. Но произошло это не в результате какого-то сознательного решения поддержать консервативный курс администрации. Сказалось смятение чувств, неумение разобраться в политической картине. В Лос-Анджелесе, например, выиграл Рейган, но одновременно большинство голосов получила резолюция, призывающая обеспечить занятость за счет сокращения военных программ. Немало районов, городов Америки объявлены безъядерными зонами. Инициатива здесь как раз за молодым поколением. Отвечая на ваш вопрос, повторю, что никакого поворота вправо молодые американцы не совершили. Более того, есть все основания надеяться: возникнет мощное общественное движение, которое помешает администрации выполнить ее консервативные замыслы. И костяком этого движения будут молодые!

— Значит, когда американская пресса толкует об отвернувшемся от поиска общественной справедливости подростке, она просто старается вложить в юную голову желаемое?

— Несомненно. Никакого сомнения! Утверждая это, я опираюсь на мой личный опыт. Я преподаю студентам, часто выступаю перед молодежными аудиториями в разных штатах, в университетских городках. И за последние годы у меня сложилось впечатление, что молодые люди у нас стали более разборчивы в своих политических симпатиях. И, значит, менее податливы на манипуляцию с помощью демагогии. Они не протягивают руку антикоммунизму. Сочувствуют борьбе черных американцев и других жертв расового угнетения. Все лучше осознают значение рабочей солидарности.

Нет, я отказываюсь узнать моего юного соотечественника в том портрете карьериста, какой малюет наша печать.

— Она пишет и о другом. Об эпидемии самоубийств среди молодежи. С 1970 года число самоубийств среди американцев в возрасте от 15 до 19 лет подскочило на 44 процента. Каждый год пять тысяч подростков уходят из жизни по своей воле. Как вы объясните этот трагический феномен?

— Думаю, есть прямая связь между волной самоубийств и все более безудержным производством в США ядерного оружия, нагнетанием военного психоза. Фабриканты ядерной смерти правят у нас какой-то шабаш! Молодые люди, естественно, испытывают страх перед возможностью глобальной конфронтации и ядерной катастрофы. Нам, кто уже вступил в зрелый возраст, когда эта опасность стала очевидной, трудно понять то душевное смятение, то чувство скорого конца всего сущего, которое терзает подростков.

Последние четыре года администрация США с азартом подстегивает гонку вооружений. А это заставляет молодую Америку задаваться резонным вопросом: «Доживем ли до завтра?»

Самоубийство — ответ на него. Ошибочный, конечно.

И потом не надо забывать об экономических условиях. Сыновья, дочери видят, что происходит с их отцами. Заводы закрываются, безработица приобретает массовый характер. На глазах у молодежи администрация кромсает программу социального обеспечения.

Что ждет нас впереди? — задумываются молодые. Их идеалы будущего, мягко говоря, не разделяются лидерами нашей страны.

— Вместе с тем в Америке есть молодежь, которая не потеряла оптимизма, не уползла в раковину, как улитка, от грозных, пугающих проблем.

Расскажите, Анджела, чем дышат эти юные американцы?

— Они озабочены прежде всего тем, чтобы добиться права зарабатывать себе на жизнь. Ни одна группа населения не настрадалась так в годы правления нынешней администрации, как молодежь. Возьмите черных подростков. Трудно вообразить, но это факт: во многих городах из каждой сотни таких ребят 75 маются без дела. У них не просто нет работы. У них нет никакой надежды получить работу в будущем! Вдумайтесь в это!

Молодые люди видят также, как их шансы получить университетское образование катятся к нулю. Администрация намерена упразднить стипендии и ссуды, которые позволяли ребятам из рабочей среды оканчивать колледж. Четыреста тысяч таких стипендий уже ликвидировано. Вдумайтесь в это!

Право на работу, право на образование. Вот сейчас главные направления, где ведут борьбу юные американцы прогрессивных убеждений. Добавьте к этому выступления против расизма, за женское равноправие. И наконец, главное — нужно создать гарантии тому, что Соединенные Штаты не выступят инициатором ядерной беды. Вот чем полны головы молодых.

Поскольку мы с вами беседуем в кулуарах конференции, посвященной проблемам культуры, хочу сказать еще вот что. Важно, чтобы юность не довольствовалась поделками так называемой поп-культуры, а искала вдохновение в подлинно передовом искусстве.

— Ваше последнее замечание очень заинтересовало меня. Как вам кажется, Анджела, почему американские радиостанции уделяют так много времени передачам далеко не лучших образцов рок-музыки, адресуя ее слушателям восточноевропейских стран? Почему так смакуют различные выверты западной молодежной моды, различные молодежные культы и течения?

— Это культурный империализм чистой воды. Американские пропагандистские центры сознательно используют его, чтобы попытаться повлиять на молодежь в социалистических странах.

С другой стороны, вашу социалистическую культуру до американского народа не допускают. Тут глухая стена! Советскую музыку по нашему радио не услышишь.

У нас культура еще один способ делать деньги. Подлинно прогрессивному искусству трудно просочиться сквозь этот цех, перегоняющий музыку, кино, литературу в прибыль. Взгляните на нашу нынешнюю рок-музыку, на стиль «ритм-энд-блюз». Она не вдохновляет слушателя на то, чтобы задуматься об изменении нашего, очень нуждающегося в изменениях общества. Нет, она помогает ему убежать прочь, в мир фантазий, насилия и эротики.

У нас, конечно, есть рок-группы, чье творчество близко интересам трудовой Америки. Но такой рок, уверяю вас, американское радио на СССР не вещает! Наши законодатели молодежных вкусов не хотят делиться с советскими подростками композициями прогрессивных музыкантов. И у себя дома они ставят перед такими музыкантами всяческие барьеры, достаточно вспомнить, как тяжело складывалась творческая судьба негритянского певца Стива Уандера.

— И последний вопрос. С каким напутственным словом вы хотели бы обратиться к участникам XII Всемирного фестиваля?

— По-моему, очень важно, что фестиваль состоится именно в Москве и совпадает с историческим событием — сорокалетием Победы над гитлеровскими захватчиками и японскими милитаристами. Молодым людям нужно сегодня четко понять, откуда исходит угроза ядерного столкновения. Она исходит не от Советского Союза, настрадавшегося во вторую мировую войну и вынесшего основную тяжесть победы. Она исходит от генералов и дельцов, составляющих вместе то, что называют военно-промышленным комплексом США.

Всемирный фестиваль даст возможность молодежи из разных стран пожать друг другу руки, спеть хором гимн дружбе и солидарности. Москва незаменима как место такой встречи. Там можно увидеть своими глазами, как молодежь может процветать, вершить большие дела и достигать желаемого.

На Западе юность так же талантлива, наделена такой же неуемной энергией. У нее нет одного — условий социалистического общества.

Нью-Йорк

Вот они хохочут до упаду, строят друг другу рожки, толкаются. Кто-то кричит, что сейчас вылетит птичка, и все снова заливаются совсем по-детски, хлопая себя по коленкам, раскачиваясь в хохоте. Смех скачет по гулким этажам.

Так позируют перед объективом все девчонки и мальчишки земного шара.

И впереди целая жизнь...

Юра БЕЛЯЕВ

— Три дня учишься, три дня практики. На самой обыкновенной стройке. В самой настоящей бригаде. Я — плиточник-штукатур. На первой моей стройке, у входа, стоял большой щит: «Сдадим детскую поликлинику в 1983 году!» А уже давно шел восемьдесят четвертый. И конца-края не видно. Тяжело было первое время. Целый день на улице. От свежего воздуха есть хочется. Устаешь с непривычки. Погода плохая.

30 ИЮНЯ — ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ

М. ШИШКИН,
Л. ОГАРЕВ (фото)

ПЕСНЯ

Рассказ об интерклубе имени Жозе Диаша Коэльу СГПТУ-47 города Москвы

Все сидим в вагончике, греемся. Как-то к обеду солнышко выглянуло. Помню, жуем батон, запиваем пепси-колой. Под тем самым щитом. Тут старушка подходит с ребенком. Что ж вы, говорит, все обещаете, а мне с внуком приходится в другой район ездить. У меня вдруг кусок поперек горла встал. Я ведь не виноват в этом, а что ей скажешь? А потом меня такое зло на самого себя разобрало. Если я эту поликлинику строю, пусть и на практике, значит, и я виноват. На следующий день прихожу на стройку. Непогода, ветер, дождь. Все в вагончике сидят. Садись, говорят, практикант, согрейся. Я переоделся и пошел работать. Я совсем не потому рассказываю, что вот, мол, какой я хороший. Просто зло взяло. Работаю один. Потом, смотрю, ребята из вагончика выходят. Кто-то меня по плечу хлопнул. Все в порядке. С теми ребятами я потом крепко подружился. Звали к себе в бригаду после училища.

Когда работаешь по-настоящему — устаешь страшно. Придешь после работы уставший, злой как черт. А взял гитару — и все как рукой сняло. Я играю в нашем ансамбле политической песни. Меня никто играть не учил, сам научился. Дома у нас ребята в подъезде бренчали. И я бренчал. Потом увидел по телевизору, что один испанец на гитаре выделывает, и понял: если так не научусь, то лучше гитарой об стенку. Накупил самоучителей, нот. Теперь даже не представляю, как бы я жил без гитары и без нашего ансамбля.

А недавно проезжал случайно мимо той, первой нашей поликлиники. Она уже давно работает. Сошел с автобуса. Подошел посмотреть, как там моя плитка, держится еще? Держится. Все в порядке. И дальше поехал.

Интерклубу уже десять лет. Те ребята, которые собирали посылки с одеждой, лекарствами, игрушками детям сражавшегося Вьетнама, давно выросли и стали строителями.

Детям Палестины, Никарагуа собирают посылки те, кто учится здесь сегодня.

Часть денег, заработанных во время практики на стройках, ребята каждый месяц перечисляют в Фонд мира.

19 декабря в члены интерклуба принимают первокурсников. 19 декабря — день гибели Жозе Диаша Коэльу, португальского коммуниста [1]. Его именем назвали интерклуб.

Люба БАСКАКОВА

— Самый сложный предмет — литература. В физике, химии, математике все понятно: валентность, логарифмы, функции. А вот почему Наташа предала князя Андрея ра-

---

[1] *Очерк журналиста И. Фесуненко о Жозе Диаше Коэльу см. в «Ровеснике» № 7 за 1981 год.*

ди этого красавчика — не понимаю. Или «Обломов». Штольц — положительный, Обломов — отрицательный. А я Штольца не переношу. Я на уроке так и говорю: «Не понимаю». Ребята надо мной смеются: «У тебя и так пятерка, тебе что, мало?» Наверно, стану взрослой, и все поймется само собой. А любимый мой предмет — эстетика. Хотя слово «предмет» здесь совсем не подходит. Тут невозможно выучить параграф от сих и до сих и пересказать на отметку. Здесь даже не о знании идет речь. А о том, кто ты, как и зачем живешь. По эстетике мы писали рефераты. Я взяла тему «На кого я хочу быть похожей». Конечно, можно было написать: я не хочу быть ни на кого похожей, только на саму себя. Но это неправда. Такого не бывает. Но и стать совсем другими тоже невозможно, мы только такие, какие мы есть. Я написала об Ире Карповой, она руководит нашим ансамблем политической песни. Мы с ней совсем разные. Я скучная, робкая, а вокруг нее всегда люди, всегда весело, шумно. Но не это главное. Зимой подходим вечером к общежитию, а у нас там пустырь. Самый обыкновенный пустырь. Был закат, и солнце сидело прямо в снегу на пустыре, и так все полыхало, что у меня дух захватило от красоты. Я остановилась, стою и смотрю. Девчонки не поняли и спрашивают: «Ты чего?» А была бы Ира рядом — поняла бы.

Жозе Диаш Коэльу был скульптором.

Он учился в Лиссабоне, в школе изящных искусств. Его выставки имели огромный успех. Ему прочили будущее великого мастера.

Жозе не хотел быть великим в стране, где царил фашизм и лилась кровь. Его жизнь получилась короткой. Из 38 прожитых лет ровно половину он отдал борьбе с фашизмом в рядах компартии. Он вел тяжелую жизнь подпольщика. Творческой карьерой он пожертвовал во имя борьбы за свободу.

19 декабря 1961 года он был убит в Лиссабоне на улице Лузиадаш. Подъехала машина, из нее выскочили агенты салазаровской охранки и дважды выстрелили в упор. Первый выстрел, прямо в грудь, свалил его на землю. Другой был сделан, когда Жозе упал.

В интерклубе на стене висит его фотография. Жозе сидит на траве и улыбается.

Володя **ЖУРАВЛЕВ**

— Я люблю мою профессию. И реферат писал «Любимая профессия — строитель». Но только все не так просто. Красиво было бы начать: я с детства мечтал быть строителем, и вот моя мечта претворяется в жизнь. Но только на самом деле я совсем о другом мечтал. И в строительное ПТУ я попал почти случайно. Разве мечтают с детства стать плиточником-штукатуром? Вот и я, может, хотел летчиком стать, да зрение подвело. А не любить свою работу нельзя, особенно если тяжелая, как наша. Потому что если не любишь свою работу — хуже каторги. Но и просто так взять и полюбить свою работу тоже нельзя. Что-то в тебе должно измениться. Что-то с тобой должно произойти. Со мной это случилось, когда я поехал на каникулы домой. Мы делали ремонт, и я выложил кухню плиткой. Мои так и ахнули. Все соседи приходили смотреть. Подумаешь, я им говорю, я и лучше могу. А сам весь сияю. Даже не знаю, с чем это чувство сравнить. Ни с чем не сравнить.

Мария Маргарида Тенгарринья вступила в компартию, когда ей было шестнадцать лет. С Жозе, своим будущим мужем, она познакомилась в школе изящных искусств, где училась живописи. С двумя детьми она испытала все тяготы жизни на нелегальном положении. После гибели Жозе она тяжело заболела. Советские врачи спасли ей жизнь. Маргарида не сдалась. Она продолжила дело Жозе. Тогда, до революции, товарищи по партии называли ее Тереза Соза.

Когда Тереза Соза приехала в Москву, ее повезли в одно из ПТУ. Она еще ни о чем не знала. Вошла в комнату интерклуба, и первое, что увидела,— фотография на стене. Жозе сидел на траве и улыбался.

В феврале этого года член ЦК Португальской коммунистической партии Мария Маргарида Тенгарринья прилетела в Москву. Эти несколько дней были загружены до предела. Но она позвонила в интерклуб и сказала, что обязательно приедет.

Оля **АМАЕВА**

— Вот мы поем песни протеста, песни борьбы. Поем о дружбе, солидарности, мире. Протестуем против войны, против фашизма. А кто-то скажет: ну и что, разве оттого, что вы тут собираетесь и поете, меньше льется крови в мире? Меньше несправедливости, насилия? Я и сама так раньше думала: ведь от меня же в мире ничего не зависит, абсолютно ничего. Ну что я могу, такая маленькая? Я и в школе самая маленькая была, и сейчас на физкультуре всегда в конце строя. А на самом деле зависит, и очень многое. По телевизору показывают засуху в Эфиопии. Тысячи, сотни тысяч людей могут умереть, если им не помочь. Наши самолеты привозят туда продукты, воду, лекарства, спасают людям жизнь. Все это на средства нашего Фонда мира, на те самые деньги, которые мы заработали на практике. Ребята из 58-го училища, резинщики, сами изготовили резиновые сапоги и послали их палестинским ребятам. Мы подумали и на заработанные деньги купили одеяла и тоже послали. И вот сейчас где-то в лагерях беженцев палестинские дети укрываются одеялами, которые мы им покупали. А что касается наших песен, то однажды мы выступали перед ребятами из Никарагуа. Потом они прислали нам письмо. Они написали, как их поддерживает в борьбе уже то, что на другом конце Земли есть люди, которые неравнодушны к судьбе их молодой республики. Вот и получается: то, что происходит в мире, зависит и от нас и от наших песен.

Мария Маргарида подошла к микрофону и несколько секунд стояла молча. Актовый зал был заполнен мальчишками и девчонками в синей ученической форме. Стояли в дверях, сидели на подоконниках. Переводчик смотрел на Марию Маргариду. Она молчала. Потом сказала на нетвердом русском: «Мои сыновья и дочки».

Она говорила о своей родине, о своих товарищах, о борьбе, которую ведет Португальская коммунистическая партия. Она говорила о португальских мальчишках и девчонках, ровесниках тех, кто сидел перед ней в зале. Еще она благодарила за помощь, которую эти ребята оказывают ей и ее товарищам по борьбе.

— Вы помогаете нам уже тем,— сказала Мария Маргарида,— что вы учитесь, что у вас есть все возможности учиться. Этого лишены многие ваши сверстники у меня на родине. Вы помогаете нам тем, что в вас нет страха остаться после учебы на улице без работы, без средств к существованию. Я смотрю на ваши лица. У вас лица счастливых людей. И это прибавляет нам силы в нашей борьбе.

Олег **ГРЕБЕНКИН**

— Мне кажется, самое главное в человеке — его друзья. Так получилось, что у меня раньше никогда настоящих друзей не было. А теперь есть. Наверно, я сам стал другим. Или просто появилось общее дело. В нашем ансамбле политической песни замечательные ребята. Самое интересное, что мы все такие разные, а что-то нас объединяет. И вот я все думаю — что? Юра Беляев прямой, сильный. Все девчонки в него тайно влюблены. На гитаре соло ведет — заслушаешься. И при всем при этом у него есть котенок. Тот к нам на репетицию откуда-то пришел и стал мяукать. Юра к себе его и взял. Со стороны посмотреть — смешно, здоровый парень каждый раз с котенком на прогулку идет. Но это смешно, если только Юру не знать. Люба Баскакова стихи пишет. И еще у нее золотые руки. Ее работы из дерева взяли на городскую выставку самодеятельных художников и мастеров декоративно-прикладного искусства. Володя Журавлев занимается спортом. Оля Амаева замечательно рисует. У нас к ней очередь на портреты. Еще она работает в клубе «Поиск». Один ветеран заболел, так она ходила за ним как нянечка целый месяц. Вот такие у меня друзья. А я сам увлекаюсь радио. Конечно, можно приемник в магазине купить, но я сам собрал. Так интересней. Перед сном всегда слушаю. Крутишь настройку, и будто вся планета у тебя в руках.

Потом был концерт.

Они пели песни протеста, песни борьбы. Пели о дружбе, солидарности, мире. Против войны, против фашизма.

Оля не доставала до микрофона и тянулась к нему на цыпочках.

Неистовый рай

Письма в разные адреса с никарагуанского культурного фронта

Луиза ВАЛЕНСУЭЛА,
аргентинская писательница

Дорогой мой друг и соотечественник!

Спешу тебе сообщить, что ты был прав: да, здесь, в Никарагуа, мне промыли мозги. И сейчас мой мозг чист, как новенький. Я сама себе удивляюсь: я теперь даже письма пишу! Раньше я была так пресыщенна — типичная аргентинская интеллектуальная дама, помнишь? Но эта поездка в Никарагуа пошатнула мой скепсис. Я стала проще, естественнее. Меня захватила борьба. Не волнуйся, не полностью. Ровно настолько, чтобы попробовать понять происходящий здесь революционный процесс. Все здесь молодо, все ново, и в то же время каждый считает себя достаточно взрослым, чтобы принять, если надо, смерть. Здесь даже школьники погибают в боях. Вот почему во время ноябрьских выборов голосовали с 16 лет: если они достаточно взрослые, чтобы умирать, значит, они достаточно взрослые, чтобы выбирать президента.

Представь себе, здесь учатся демократии. Никарагуа никогда не знала настоящей демократии. Это страна, которую приходится делать из ничего, страна, которой раньше не существовало. Никарагуа только сейчас учится быть государством, а не собственностью одного семейства [1]. И начинать приходится буквально с азов — раздавать людям буквари. Самое важное здесь — мнение народа. Дома эти слова я постеснялась бы даже произнести, а в Никарагуа они в ходу и абсолютно естественны. На митингах, которые называются «Лицом к лицу с народом», правительство действительно ведет диалог лицом к лицу, плечом к плечу, «мано а мано» — о бобах и рисе, об иммиграции и вооружении. Руководители государства отвечают на вопросы людей. И во всем чувствуется неподдельная искренность. Уж на что я ледышка, и то стала искренней.

Дорогая мама!

Сообщаю тебе, что я в полном порядке и даже счастлива, и ничто мне не угрожает. Здесь, похоже, не более опасно, чем в любой другой части света. Вспомни, как мы жили в Аргентине еще совсем недавно [2]. Любой вооруженный часовой тогда был опасен. А здесь у часовых успокаивающий вид, с лица не сходит сияющая улыбка. Теперь я понимаю, почему Кортасар [3] любил эту страну. «Никарагуа, неистовая и нежная» — так он назвал свою книгу. «Свободная родина или

---

[1] В 1936 году начальник никарагуанской национальной гвардии генерал А. Сомоса при поддержке США совершил государственный переворот и захватил власть. В Никарагуа установилась жестокая военная диктатура, представители семейства Сомосы с помощью американского империализма удерживали власть до июля 1979 года, когда победила Сандинистская революция.— Здесь и далее прим. ред.

[2] В 1976 году в результате государственного переворота к власти в стране пришла военная хунта. Правление военных продолжалось до 1984 года.

[3] Хулио Кортасар (1914—1983) — аргентинский писатель.

смерть!» — говорят в Никарагуа, верят в это и действительно идут на смерть.

Вместе с культурными бригадами я собираюсь поехать на фронт, только не пугайся. Так заведено, что каждую неделю на выходные артисты едут на фронт, чтобы рассказать народной милиции и жителям богом забытых деревенек о достижениях культуры. «Мы завоевали власть, опираясь на чувства людей. И культуру мы хотим распространять не потому, что это часть какой-то политической программы, а потому, что им это необходимо». Так сказал мне Серхио Рамирес, писатель, член руководства страны. Ничего не поделать, мама, я приняла это близко к сердцу и захотела испытать себя.

И вот мы собрались в ожидании транспорта в Рио-Сан-Хуан. Режиссер Театро дель пуэбло (Народного театра) рассказывал мне, пока мы ждали: «Наш театр, как и все здесь сейчас, работает для инноводорес. Так мы называем людей, которые умудряются сделать, скажем, запчасти для механизмов из груды металлолома. Поначалу мы приезжали на фабрики, и рабочие, которые путали театр с кино, чувствовали себя обманутыми. Они не понимали абстракций и аллюзий театра. Часто прерывали действие. Но к третьему году революции мы начали замечать перемены. Мы выступаем во время обеденных перерывов, и после каждого представления разгораются дискуссии».

Я, видишь ли, тоже захотела поучаствовать. И вот стою в своих новых туристских ботинках и жду вместе со всей культбригадой автобуса. Минут пятнадцать нас инструктировали: «Вы должны поделиться своими знаниями с компанерос из народной милиции. Вам также придется учиться у них и при возможности участвовать в военной подготовке. В случае необходимости требуйте винтовку. Работники культурного фронта не должны быть обузой, мы тоже бойцы». Подростки из фольклорного балета — ты должна представить, что никарагуанские танцы очень красивы и грациозны,— кивали головами в знак согласия. Но вдоль южной границы шли серьезные бои, и на фронт мы так и не попали. Чтобы нашим матерям было спокойно.

Дорогой Рубен Дарио [4], великий поэт,
слава Никарагуа!

Должна признаться, я поражена: в то время как страна в опасности, ведется полемика о поэзии.

Спорят два прекрасных поэта: Эрнесто Карденаль, министр культуры, и Розарио Мурильо, глава Сандинистской ассоциации работников культуры. Ассоциация утверждает, что поэтические студии, организованные министерством, навязывают свод правил, суть которых сводится к тому, что метафоры — это «словесная шелуха», что поэзия должна следовать школе Эрнесто Карденаля. «Такая жесткость противна натуре никарагуанцев»,— считает Розарио Мурильо, являющийся также издателем «Вентаны», приложения к газете «Баррикада».

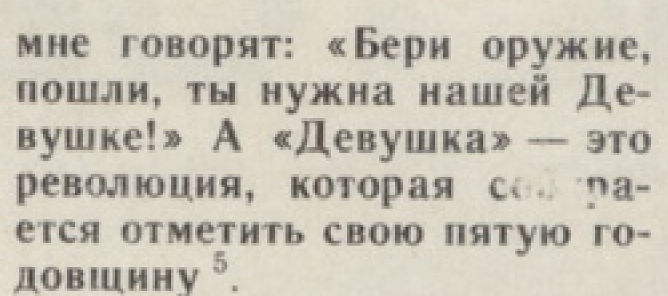
Карденаля мне застать не удалось. На мои вопросы отвечал другой прекрасный поэт, Валле Кастильо. «Суть в том, как от простого перейти к сложному. Действительно, есть рекомендации, которые оказались слишком упрощенными, но речь не идет о каких-то поэтических правилах или нормах. В народе велика тяга к поэзии, и ее нужно направлять. Никто никогда не говорил, что должна быть официальная поэзия революции и что таковая вообще существует. Впервые никарагуанцы имеют доступ к поэзии, ко всякой поэзии. Именно поэтому сейчас мы стремимся возродить Дарио и перечитать его с точки зрения национального самосознания».

Что скажете, поэт? Среди всех возрождений, происходящих сейчас на этой земле, ваша фигура тоже предстает в новом свете. И если идет борьба вокруг поэзии, это в первую очередь означает, что поэзия существует.

Спасибо вам.

Профессор Жак Деррида, дорогой учитель!

Никак не могу привыкнуть к тому, что рождение нации, революционный процесс заметны здесь даже на лингвистическом уровне. Иногда

мне говорят: «Бери оружие, пошли, ты нужна нашей Девушке!» А «Девушка» — это революция, которая собирается отметить свою пятую годовщину [5].

Сейчас все заняты восстановлением цирка на площади 19 июля. Цирковые артисты ремонтируют крышу, сорванную во время последних ураганов. Хлеб и зрелища, скажете вы. Но это не тот случай. Четыре года назад режиссер Роза Марта Фернандес приехала сюда из Мексики помочь в организации детских телепрограмм. Сегодня некоторые из ее подопечных подростков стали настоящими телепрофессионалами. Но интересы Розы Марты расширялись, она заинтересовалась кампанией ликвидации неграмотности среди никарагуанских женщин. На эту тему она только что закончила фильм.

Здесь отправляют киноустановки в деревни, где никогда не видели фильмов и не представляли себе, что это такое, раздают немногочисленные кинокамеры рабочим с

инструкциями, как снимать фильмы.

Многое здесь только начинается, но с каким энтузиазмом!

Представителям аргентинских вооруженных сил.

Господа!

Сейчас я в казармах Эль-Чипоте в Манагуа, ожидаю

[4] *Автор адресует письма выдающимся деятелям культуры — Рубен Дарио (1867—1916), никарагуанский поэт; Бертольт Брехт (1898—1956), немецкий писатель, драматург, теоретик искусства — и своим личным знакомым.*

[5] *Письма были написаны в 1984 году.*

начала представления. Пока артисты гримируются под кокосовыми пальмами, я расселась на скамейке и пишу письма. Скинула ботинки, устроилась поудобнее. Подходит солдат и хочет, как я ожидала, прогнать меня. Но нет, он просто подсел поболтать. Его зовут Сесар. Он говорит, что современная война требует высокой культурной подготовки. Что у офицеров, вышедших из крестьян и рабочих, не было возможности ходить в школу. А теперь есть все условия, чтобы учиться. Тут же рядом под соломенной крышей женщина читает лекцию по основам литературоведения.

Представление под открытым небом начинается. На сцену выходят солдаты, строятся в шеренгу, и один из них выкрикивает: «Через границу...» Остальные хором подхватывают: «Они не пройдут!» «Если нам придется сражаться... мы будем сражаться». «Если нужно умереть... мы умрем». «Сандино жив... борьба продолжается». Внезапно первый кричит: «Контрас идут!» А солдаты хором: «Бууууууууу!» И все смеются.

Последний лозунг: «Культура... это артистическая винтовка революции». Члены народной милиции обсуждают театральные тонкости с членами культбригад, потому что последний лозунг их взволновал.

Дорогой Бертольт Брехт!

Немецкий журналист, пишущий о никарагуанском театре, считает, что в Никарагуа «все представления, которые вызывает слово «театр», должны быть на время забыты». Но именно вы в значительной степени причастны к появлению такого театра. Так считает и Алан Болт. Алан, исконный никарагуанец, несмотря на свое имя, создатель и консультант «Нихтайолеро», театрального коллектива в городе Матагальпа. Лантаро Руиз, «дедушка» труппы, поскольку ему уже 26 лет, рассказывает: «Мы стремимся изучать традиции каждого района, чтобы в соответствии с ними подбирать пьесы, делать их понятнее. Мы используем символы, на которые люди реагируют: петух, поющий в полночь, пролетевшая мимо черная бабочка». Эфраин Пинедо добавляет: «Мы обращаем внимание на проблемы, но никогда не даем готовых ответов, просто предлагаем варианты их решения. Мы даже критикуем официальные органы. Верим, что это поможет революции продвигаться вперед».

Таких трупп много по всей Никарагуа — в театральную ассоциацию их входит более сотни — «Нихтайолеро» одна из самых известных. Созданы они для того, чтобы «люди узнавали друг друга и самих себя,— говорит Нидия Бастос из театральной ассоциации.— Так они смогут понять, что ценно для них, а что не представляет ценности». И артисты и зрители так молоды. Возможно, все мы молоды для этой длительной задачи — самоосознания, не так ли?

Ана Лизам, дорогая моя дочь!

Крайности, как всегда, соприкасаются. Ты, занимаясь в Нью-Йорке живописью, знакома с мнением, что рисунки на стенах в метро иногда могут быть произведениями искусства. То же самое и здесь, если не считать того, что местные «пинтас», художники, очень политичны. У них разные подходы к живописи. Но независимо от того, к какой школе они принадлежат и принадлежат ли вообще, они не чураются участия в еженедельных рейдах культбригад. «Люди должны знать, что мы с ними,— говорит художник Лионель Бенегас,— что все художники сейчас едины и что между бойцом и художником существует тесная связь. Мы единый народ со свободой творчества».

Д. Т. Сузуки,

почтенный метр!

На улице черная тропическая ночь и, к счастью, нет дождя, хотя обычно в это время года льет как из ведра, и тогда водяное покрывало ложится сверху на покрывало непроглядной тьмы над этим едва освещенным городом. Роберто Диас Кастильо рассказывает мне историю «Нуэва Никарагуа пресс», первого в стране издательства, которое родилось вместе с революцией и занимается в основном художественной литературой. Он рассказывает о том, как готовятся отметить пятую годовщину революции, о пятидесяти наименованиях книг, которые они планируют выпустить в этом году, и о многом другом, что едва ли вам будет интересно. Слушая Роберто, я смотрю на лица людей, окружающих меня в ресторанчике под открытым небом среди пальм, на их спокойную беззаботность, на их улыбки, а ведь подумать только, что некоторые из них завтра пойдут на фронт, а послезавтра их могут убить.

Роджер Штраус,

мой дорогой друг и издатель!

Хочу поделиться с вами моим открытием настоящего писателя. Не я первая. Многие, похоже, обратили на него внимание, и он уже сделался знаменитым. Все равно я должна рассказать кому-ни-

будь о том смятении, которое я испытала, открыв книгу «Гора — это нечто большее, чем зеленая равнина» и обнаружив не просто рассказ сандинистского партизана, а роман, полный юмора и жизни.

Партизанский командир Омар Кабесас возражает: «Я ведь не писатель, просто рассказываю истории людям, которые мне симпатичны. Говорю, говорю — и выходит книга». Шесть лет он провел в горах, и его партизанский опыт дал ему предостаточно материала для рассказов.

«Сейчас готовлю еще одну книгу, в которую войдет то, что я не решился оставить в первой — боялся, что меня сочтут сумасшедшим. После того как была опубликована «Гора», меня заставили прочитать Маркеса, Кортасара. Я был лично знаком с ними, но никогда не читал их книг. Я был убежден, что читать нужно только политические тексты — я так и делал в мои студенческие годы. Для меня литература была проявлением буржуазности. Но теперь я понял, какое это чудо».

Представьте себе, что писанием романов занялись бы военные в других странах, предлагаю я, имея в виду свою родину Аргентину. «Сестра,— говорит Омар,— я такой же военный, как ты космонавт».

Команданте Омар, компанеро Кабесас занимается вопросами политического образования в министерстве внутренних дел. В том самом министерстве, на стеклянной двери которого крупными буквами написано: «Осторожно, компанеро! Не хлопай дверью, заменить ее стоит 20 тысяч кордоб!»

И я была осторожна.

Кларибель Алегриа, Бад Флаколл,

дорогие друзья!

В отеле, где я сейчас живу, со мной подарки Бада. Они позволяют мне фантазировать и предаваться воспоминаниям. Вот гильза. Я приспособила ее под канделябр. У меня перед глазами сцена, которую Бад описывал: двадцать американских пацифистов, Хулио Кортасар и вы двое несете дежурство на границе с Гондурасом в феврале 1983 года, а по другую сторону границы, совсем рядом, проходят военные маневры «Пино гранде». На прощание в подарок женщины из народной милиции дали каждому из вас по такой гильзе, превратив их в вазы для цветов. Маневры «Большая сосна» были побеждены маленькими сосенками вашей солидарности.

В самом центре Манагуа над вулканическим озером есть дискотека, огромная площадка под открытым небом — столики, пальмы, громкая музыка. И мы танцевали вместе со всеми недалеко от тех мест, где атакуют контрас, и люди знают, что готовится вторжение и нужно быть начеку, и каждую ночь очередная семья выходит на патрулирование, и поэтому все выглядит так спокойно.

Клуб «Безымянные неврастеники»,

Американский центр.

Уважаемые члены клуба!

Очень сожалею, но я не смогу явиться на очередную встречу. Я собираюсь остаться в Манагуа, если точнее — в «Хиербабуэне». Это одновременно кафе и книжная лавка, где собирается новое поколение никарагуанской интеллигенции и где я обнаружила Сальвадора Карденаля, племянника Эрнесто Карденаля. Он сидел один за столиком и что-то писал, наверное, слова для своей новой песни. Сальвадор и его сестра Катя поют в дуэте «Гуардабарранко» и являются лучшими представителями никарагуанской «новой песни». Петь для них очень важно. Так же, как и для Рамона Флореса, который, схватив гитару, вдруг начинает исполнять свою новую песню. И для Виктора с Александром, чилийцев, примкнувших четыре года назад к никарагуанской революции. И для многих других, в том числе для ансамбля «Саунук райя» (что на языке индейцев мискито означает «Новое семя»), группы, рожденной еще при режиме Сомосы, тогда все одинаддать ее членов попали в тюрьму.

Вот и все, что касается музыки и моего отсутствия на следующей встрече в клубе. Боюсь, что и на последующие я не приеду. Признаться, я подумываю вообще выйти из клуба. Хочу отдаться революционному чувству счастья, которое здесь в большом почете. Неожиданно, правда? Возможно, я даже начну чувствовать себя непобедимой, как и никарагуанцы, а ведь врагов у них хватает, и они даже убеждены, что те скоро на них нападут. Вам непонятно, почему я отвергаю стиль жизни неврастенички, столь высоко ценимый по меркам западной цивилизации? Просто вы никогда не слышали поэта Фернандо Сильвы, когда он делится своими рецептами — нет, не счастья, еды. Он считает, что никарагуанцы любят изысканно поесть, если судить по тому, как они готовят бахо, блюдо из вяленой говядины и зеленых бананов, а также юкки, спелых бананов, жаренных на листьях банана и подаваемых тоже на банановых листьях. Или гигантская игуана гарробо, приготовленная в соусе из кислых апельсинов и завернутая в банановые листья и потом варенная на пару. Все эти деликатесы автор романа «Эль команданте» и директор детского госпиталя предлагает с жаром человека, который умеет любить, смеяться, наслаждаться, и я тоже готова отведать этих блюд, чтобы почувствовать себя «первым, кто ел гарробо», и забыть мою неврастению.

А сейчас я в «Мюнхене», небольшом баре, в компании нескольких друзей и слушаю рассказ о Маисовом фестивале, который Эрнесто Карденаль организовал пару месяцев назад в ответ на эмбарго пшеницы. «У нас изо рта вырвали хлеб,— говорит мой друг Карлос,— но Эрнесто знал, как это бедствие обернуть в изобилие. Ведь все мы выросли на маисе. И вот теперь, перед угрозой голода, мы собрали все старые песни, стихи, легенды о маисе и, главное, огромное множество местных рецептов, ужасно вкусных. Старые повара раскрыли нам свои почти забытые секреты. Сначала были небольшие праздники в разных уголках страны. А потом — общенациональная фиеста, которая состоялась в Масаи и была очень веселой. Она проходила под лозунгом «Маис — наши корни».

И мы все смеемся и думаем о фиесте в Масаи. И другие тоже смеются вместе с нами и обнажают в улыбках свои великолепные зубы, напоминающие белую кукурузу, и смеется парень, который хочет заговорить со мной, у него красивые маленькие усики и огромные глаза, как на танцевальной маске... И после всего этого состоять членом вашего клуба и посещать ваши собрания?

Больше от меня вестей не будет, примите мои искренние сожаления.

Перевел Л. ЗАХАРОВ

Санта-Мария делле Грацие безучастна, фигура святой патронессы возвышается над центральным алтарем, но двери церкви в этот час закрыты: для благословений и чудес нет времени. Равнодушие и покой царят и на главной площади городка. Только на углу возле красно-белого автобуса суета и движение, так не гармонирующие с ясным, спокойным сицилийским утром. Пассажиры загружают автобус корзинами, мешками, портфелями, пакетами, чемоданами... Здесь беззаботны только самые маленькие. Взрослым дел хватает: нужно как следует уложить вещи, устроиться поудобней — дорога предстоит дальняя. Традиционные поцелуи, объятия. Все — каждое движение, каждый жест, каждая сцена — поразительно привычно, почти ритуал.

Круглый год, по четвергам, примерно между шестью и половиной седьмого утра, такую картину можно увидеть в Мирабелле Имбаккари, тихом местечке в центре Сицилии между Катанией и Энной.

В Мирабелле нет работы, и поэтому из 9259 ее жителей 3500 уехали в ФРГ. А этот симпатичный красно-белый автобус перевозит семьи эмигрантов. Сообщение у него прямое, рейсы регулярные.

Только в одной Федеративной Республике Германии в настоящее время более 600 тысяч итальянцев, а по всему миру разбросано более 5 миллионов.

Автобус (54 места, ни одного свободного) называется Кинг-2. Есть еще Кинг-3 и был Кинг-1 — родоначальник линии. Он прошел миллион километров и сейчас «на пенсии». На ветровом стекле автобуса прикреплена табличка: «Штутгарт». Там, в столице Баден-Вюртемберга, больше всего итальянских эмигрантов: двести тысяч. Но конечный пункт Кинга-2 Зиндельфинген, вотчина фирмы «Мерседес». Именно в Зиндельфингене в основном живет и работает «другая Мирабелла» — тысяча ее жителей, большая часть которых занята на конвейере автомобильного гиганта.

Шесть тридцать. Церковные часы отбивают время. Сигналит автобус. Отправление. Позади остаются бедные поля. Впереди ФРГ.

В ДОСЬЕ АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРИБУНАЛА НА XII ВСЕМИРНОМ

«...ЭТО СПЛОШНОЕ УНИЖЕНИЕ»

Антонио ПАДАЛИНО,
итальянский журналист

34-летний Карло Полицци, хозяин бюро путешествий, превратил эмиграцию в доходное дело. Смуглый, с черными усиками, общительный, он сидит рядом с водителем Франческо Мартинесом и, азартно, по-сицилийски жестикулируя, рассказывает, как начались перевозки. В 1976 году, на рождество, одна пожилая женщина решила съездить в Зиндельфинген навестить сына. Но ее пугала дорога: автобусом из Мирабеллы в Катанию, оттуда в Милан, потом поездом до Штутгарта и еще автобусом до Зиндельфингена — почти два дня в пути, пересадки, станции, остановки. Женщина рыдала: нет, ей этого ни за что не выдержать. Тогда Полицци стал узнавать, не хотят ли другие поехать в ФРГ. Желающих нашлось человек тридцать. Все они поместились в его «фиате» под названием Кинг-1, с этого все и началось...

Кинг-2 уверенно выходит на автостраду Катания — Мессина. На переднем сиденье какой-то мужчина обливается потом и все время поправляет соскакивающие очки. Это Рокко Бертольдо. Ему 50 лет. В ФРГ у него есть надежный адрес — дочь, вышедшая там замуж. Сам Рокко за двадцать лет эмиграции накопил немного денег и вернулся на Сицилию. Он уехал в ФРГ во времена так называемой «бездомной эмиграции», когда не было никаких гарантий, никаких контрактов, а спать приходилось в бараке на сыром полу. Из мастера мирабелльской парикмахерской он превратился в сборщика моторов. Жена его тоже работала на заводе восемнадцать лет. Жизнь в ФРГ для Рокко была чрезвычайно тяжелой, но, человек нетребовательный, он вспоминает о ней с благодарностью: «Я мог откладывать понемножку в банк, и оттуда мне приходили извещения, где меня называли «синьор Бертольдо». Представляете!» Но жена хотела вернуться на Сицилию... «Мое несчастье,— продолжает он,— младшая дочь, четырнадцатилетняя Лидия». Девочка родилась в ФРГ, дома говорила на сицилийском диалекте, на улице и в школе научилась немного немецкому — и в результате почти не знает итальянского. После возвращения с родителями на родину она пошла было в школу, но одноклассники подняли ее на смех за непонятный говор, и с учебой пришлось распрощаться.

Для детей эмиграция оборачивается настоящей трагедией. Они в своем развитии не могут найти определенной национальной опоры и «зависают» между двумя странами, словно между небом и землей. В школах ФРГ перед ними встают огромные трудности, они начинают учиться на языке, которого почти не знают и дома не слышат. Процентов двадцать из них в конце концов переводят в зондершуле, специальные учебные заведения с пониженным уровнем требований для умственно отсталых детей. В ФРГ, где процветает педантизм, это позорное клеймо остается на всю жизнь: для выпускников зондершуле одна дорога — самая грязная и низкооплачиваемая работа.

Розария Джульяно одета в черное. Ей двадцать девять, но выглядит она гораздо старше. У нее свои несчастья, свое горе. Розария показывает на правую руку: фрезой на заводе в ФРГ ей чуть не оторвало кисть, наложили сорок швов. «И никакого пособия»,— говорит она с обидой в голосе. После того несчастного случая вместе с детьми она вернулась домой. В ФРГ, на заводе «Мерседес», остался ее муж, и сейчас она с детьми едет к нему. «Но скоро мы все вместе вернемся на Сицилию,— продолжает Розария.— Лучше корка хлеба в Мирабелле, чем такая жизнь. Правда, Винченцино!» — обращается она к сыну. Винченцино 12 лет, он усмехается. «Винченцино, а как тебя дразнили там в школе!» — «Обезьяна, пошел вон, убирайся».— «Да, все обзывались: обезьяна, обезьяна». Розария гладит симпатичного смуглого сына по голове.

Первый этап пути пройден. В Мессине погрузка на паром. Торговцы сувенирами окружают автобус: «Мадонна — пять тысяч лир, святой Антоний — четыре тысячи. Покупайте чудодейственные статуэтки, они помогут вам...» Паром уже далеко. Мессинский пролив соединяет, Мессинский пролив разделяет.

«Эмиграция! Что я могу вам сказать! — говорит Кармело Чотта, худощавый бородач с ввалившимися щеками и глубоко посаженными глазами.— В пятнадцать лет поехал в ФРГ и по необходимости остался. Я был рабом. Они ненавидели нас, говорили, что Муссолини предал их, и поэтому они проиграли войну. Я не понимал ни слова, но товарищи мне объясняли. Сейчас мне почти сорок, работаю на заводе, состою в профсоюзе, немного говорю по-немецки. Молодые уже не смотрят на нас как на предателей, но жить стало еще хуже: шантажируют. Если на работе что случается — молчи, иностранец, иначе будешь уволен первым. Нас держат за бессловесное быдло. Но в ФРГ я останусь еще недолго. Снова стану работать на своей земле; куплю маленький участок, семья с голоду не умрет...»

Две девушки и парень устроились на одном сиденье и негромко разговаривают, шутят. Другой парень с самого отправления молчит и печально смотрит в окно. Это Джузеппе Арена, сейчас ему 21 год. Грусть не оставляет его с тех пор, как в 1971 году он покинул Мирабеллу и ребенком поехал к родителям в ФРГ. У Джузеппе одна мечта, одно желание: Сицилия. «Быть эмигрантом — это сплошное унижение,— говорит он.— Отец уехал, когда мне было восемь дней. До семи лет я его почти не видел. Я понимаю, что он пошел на такие жертвы ради семьи, но я не хочу так жить. В ФРГ к сорока годам люди превращаются в развалины, там даже воздух не тот. Человек там становится вялым, равнодушным, грустным и прежде времени стареет. Я чувствую себя там чужим, даже среди молодежи. Они совершенно другие. Их приучают всю жизнь думать только о марках, на все остальное им наплевать. Мой младший брат, который родился в ФРГ, уже сейчас, в девять лет, считает каждую марку и готов на все ради денег; он уже изуродован, заклеймен жадностью и расчетом. А я хочу найти выход, хочу спастись». Джузеппе остается наедине со своими мыслями, и улыбка ни на мгновение не появляется на его лице.

С каштановыми локонами, румяная, любопытная и немного застенчивая, Антонелла Тавана более спокойно относится к своей участи дочери эмигрантов. Правда, для того чтобы смириться, ей потребовалась вся ее жизнь. К восемнадцати годам она уже стала безболезненно вспоминать о том, что отец ее уехал в ФРГ еще до ее рождения. «Когда он приезжал домой,— рассказывает Антонелла,— это бывало два раза в год — летом и на рождество, он всегда привозил мне кучу подарков, но я не воспринимала его как отца. Кто это! Что ему нужно от меня! Потом, с 12 до 17 лет, я жила в Зиндельфингене, но и тогда его почти не видела: он приходил домой и валился от усталости, а утром, когда он уходил, я еще спала. Я возненавидела его, возненавидела завод, возненавидела ФРГ. Я успокоилась только тогда, когда мы с мамой вернулись в Мирабеллу. Сейчас мы вдвоем растим детей моей старшей сестры, она вышла замуж в ФРГ. Дома, в Мирабелле, мне хорошо. Моему отцу сейчас 53, и он еще там, он мечтает накопить денег и купить клочок земли. Я пыталась понять его, но ничего не получилось, для меня он так и остался чужим».

Очень часто детям эмигрантов родителей заменяют дедушки и бабушки. Так было и у Джузеппины Мартеллы, которой сейчас 18 лет. Невысокая экспансивная брюнетка, Джузеппина хочет говорить, рассказывать, излить душу. Ее родители уже восемнадцать лет работают в ФРГ. Когда они уезжали, Джузеппина была еще в пеленках, и ее оставили на попечение деда и бабушки. Но встреч с родителями два раза в год было мало для девочки. «Я звала их «мама и папа из ФРГ»,— вспоминает она,— они говорили, что они мои родители, но я им не верила и не испытывала к ним никакого чувства, никакой привязанности».

Когда в ФРГ у Джузеппины родились брат и сестра, душевная травма девочки стала невыносимой. «Я старшая дочь,— возмущается Джузеппина,— и меня бросили. Но почему! Меня успокаивали, говорили, что так для меня же лучше, но я этого не понимала и злилась на дедушку и бабушку». В десять лет она взбунтовалась, и родители были вынуждены забрать ее в ФРГ. Джузеппина стала там ходить в школу. Дедушку с бабушкой она теперь видит редко. Жизнь ее отныне в ФРГ. Да и не только жизнь, но и надежда получить работу. «Как приеду,— говорит она,— обращусь на завод, где работают родите-

ли, они на хорошем счету, может, и меня возьмут».

На закате вынужденная остановка на автостраде Неаполь — Рим. Обычная летняя картина: вереницы машин, полицейские сирены, пожарники, «скорая помощь», стоящий поперек дороги автопоезд. Дорожная катастрофа! Да, но на этот раз, к счастью, с курицами: тысячи упаковок с птицей лежат, размораживаясь, на асфальте. И некоторые автомобилисты спешат сделать бесплатный запас. Кругом суматоха, хаос. Ну наконец машины медленно тронулись с места. В салоне полумрак, попробуем заснуть.

Когда автобус подъезжает к границе, мы в дороге уже 24 часа, и усталость стала нашей верной спутницей.

Озеро Костанца — уже ФРГ. Для состоятельной Европы здесь круглый год туристский рай. Но это не для эмигрантов. Их «рай» еще через три часа. Его символ — знак фирмы «Мерседес»: это строгое кольцо на дороге становится каким-то наваждением, маячит со всех сторон. И вдруг оно неожиданно появляется на вершине высоченной башни — его величество завод. Зиндельфинген: 25 шикарных гостиниц, 50 ресторанов, множество пиццерий, театр и дворец конгрессов. Все гигантское, рассчитанное на тысячи мест. Но где же то, что мы привыкли называть городом! Зиндельфинген рос и ширился вокруг завода. Поэтому здесь нет никакого центра, никакой площади. Сицилийские эмигранты собираются возле ресторана самого знаменитого своего земляка Амедео Кремона. Тут и остановился в два часа дня в пятницу Кинг-2. Выйдя из автобуса, пассажиры мгновенно разбредаются в разные стороны, будто они и не были никогда вместе.

Законы эмиграции суровы. Каждый думает только о себе, о своей семье. Мирабелла и земляки становятся на чужбине далеким и бесполезным воспоминанием.

Бьяджо Орландо 29 лет. В ФРГ он с 20. Бьяджо оставил «Мерседес» и сейчас работает официантом. Он подает вновь прибывшим из Мирабеллы огромное блюдо спагетти с грибами и соусом. «Между эмигрантами нет солидарности,— недовольно говорит Бьяджо.— Только одна зависть. В Мирабелле нам тоже завидуют и недолюбливают нас, хотя им пора бы понять, что благодаря нам, нашему скотскому существованию, они, оставшиеся дома, не умирают с голода. И вместо насмешек, вместо грубостей, которые мы слышим от них, когда приезжаем в отпуск, они должны бы кланяться нам в пояс. Мирабелла гадкое местечко, не будь у меня там лачуги, никогда не вернулся бы...»

Но на самом деле Бьяджо, как и все клиенты фирмы «Понтбус», с радостью сию же минуту вернулся бы домой. Вернулся бы с тем же Кингом-2, который каждую субботу утром отправляется в обратный путь.

В конце августа — массовое возвращение. В последнее воскресенье месяца праздник Санта-Марии делле Грацие, и все хотят попасть в Мирабеллу. Для опоздавших Карло Полицци делает дополнительный рейс, отправление рано утром в пятницу. А когда в субботу вечером Кинг-2 прибывает в Мирабеллу, праздник в разгаре: все улицы уже наводнены народом. На главной площади — иллюминация, построена сцена, играет оркестр, звучат старые песни. Но, как и отправление, прибытие автобуса остается незамеченным.

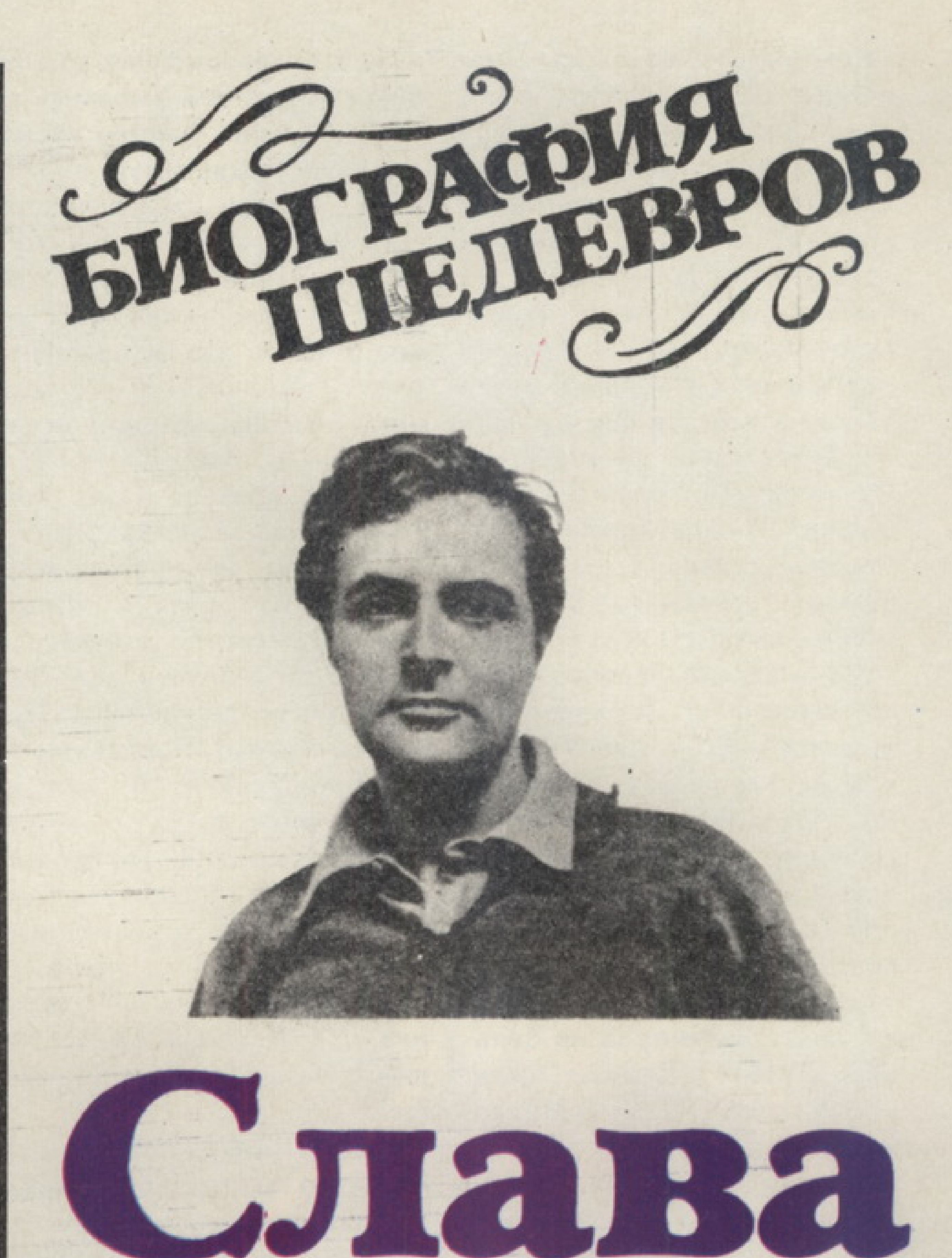
В воскресенье утром весь городок выходит на площадь Альдо Моро. Это традиционное место отдыха и встреч.

Все в праздничной одежде, при галстуках, в пиджаках. В этот день по традиции знакомят родных с невестами из ФРГ. Светловолосой, счастливой Сабине 17 лет. «Мирабелла — хорошо,— радуется она,— все понравится». А ее жених, 22-летний Сальваторе, переводит остальное: «Она говорит, что мы более простые, более человечные, чем ее знакомые в ФРГ, что она хотела бы остаться здесь навсегда».

Священник кричит в мегафон: «Вива Мария!» Фигура Санта-Марии делле Грацие безучастно смотрит на собравшихся. Какие-то две женщины уже говорят об обратной дороге. «Ты предупредила в «Понтбусе»!» — спрашивает одна. «Если все занято, как быть!» Мирабелла — Зиндельфинген, Зиндельфинген — Мирабелла — жизнь между небом и землей.

Перевел с итальянского
А. МУДРОВ

БИОГРАФИЯ ШЕДЕВРОВ

Слава за порогом жизни

Алла ГРАЧЕВА

История, случившаяся в Ливорно в июле прошлого года, разыгрывалась по всем законам детективного жанра: в ней были поиски исчезнувших сокровищ, бесценные находки, козни злоумышленников и неизбежные жертвы.

В год столетия со дня рождения итальянского художника Амедео Модильяни городские власти решили проверить легенду, согласно которой, будучи в Ливорно, художник, раздосадованный критическими замечаниями друзей, погрузил в тележку несколько созданных им скульптур и бросил их в канал. При музее современного искусства в Ливорно, где открылась юбилейная выставка Модильяни, был создан фонд, финансирующий операции по проверке этой легенды. Специально оборудованная драга метр за метром ощупывала дно Королевского канала.

К концу недели город потрясла новость: обнаружены две скульптуры из гранита, а затем еще одна — из песчаника. Известные искусствоведы сходились на том, что находки подлинные. Первые два изваяния были торжественно помещены в ливорнском музее. Сенсационные сообщения о ранее неизвестных скульптурах Модильяни наводнили прессу, дельцы от искусства принялись подсчитывать их стоимость.

Но тут грянул гром среди ясного неба: еженедельник

«Панорама» сообщил, что найденные изваяния всего лишь подделки. Скульптуру «под Модильяни» из песчаника изготовили трое юнцов. В качестве доказательства они представили фотографию, где были сняты рядом со скульптурой перед тем, как бросить ее в канал. Сотрудники музея уверяли, что эта фотография не более чем фотомонтаж. Разнесся даже слух о кознях мафии. В довершение всех бед выяснилось, что два гранитных изваяния, благоговейно выставленные в музее, тоже подделки. Директор музея слегла от перенесенных волнений. Но главной жертвой оказался сам Модильяни. Празднование 100-летнего юбилея художника обернулось фарсом. Как же не везло ему в собственной стране, которую он так любил! Последними словами Модильяни, когда он умирал на больничной койке в Париже, были: «Cara, cara Italia» («Милая, милая Италия!»).

Между тем «cara» Италия дольше всего остального мира не признавала своего блудного сына великим художником. «Двенадцать бесформенных голов, которые может нарисовать и 5-летний ребенок» — так уничтожающе отозвалась итальянская критика о картинах Модильяни, выставленных в 1930 году в Венеции. Лишь к 75-летию со дня рождения, в 1959 году, на его доме в Ливорно была повешена доска, свидетельствующая об официальном признании:

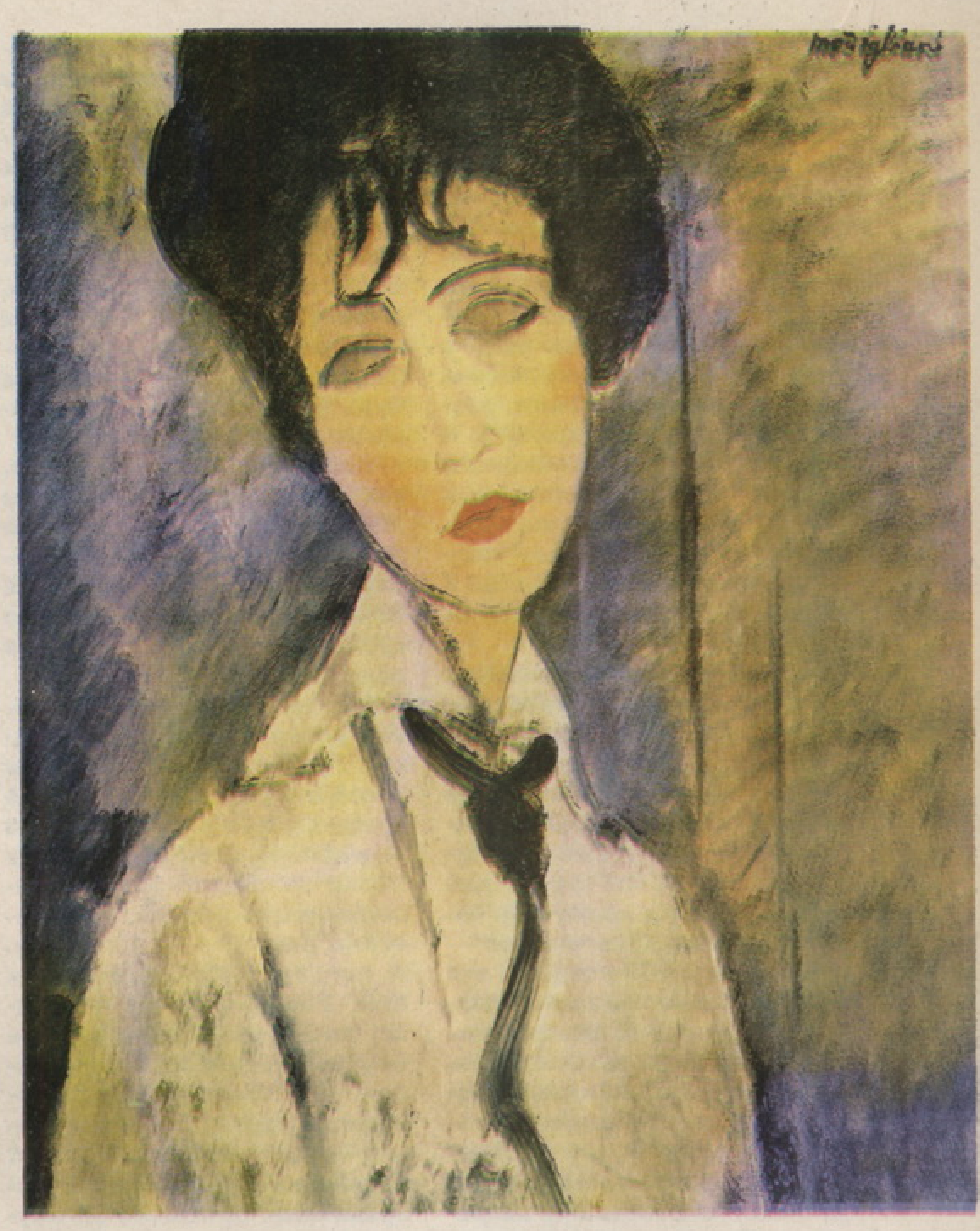
«Здесь художник Амедео Модильяни получил в дар жизнь, талант, тягу к искусству».

«Модильяни является, быть может, самым современным из наших современных художников. Он сумел выразить не только острое чувство времени, но и независимую от времени правду человечности. Для этого мало остановиться на внешней видимости вещей, нужно уметь раскрыть их душу. Именно это великолепно умел Модильяни — художник, принадлежащий всему миру» — с этой оценки известного критика Поля Юссона началась слава Модильяни. Увы, она пришла к нему слишком поздно! Юссон написал свою статью в 1922 году — спустя два года после смерти художника. При жизни Амедео Модильяни не имел признания. Не потому ли его жизнь была столь трагически короткой? Он прожил всего 36 лет. Не понятый современниками, отверженный, нищий. «Смерть настигла его на пороге славы»,— гласит надпись на белой мраморной плите на кладбище Пер-Лашез.

Вокруг имени Модильяни возникло множество легенд. Мифы о неистовом гении, богемном художнике, на котором лежала печать проклятия, намеренно раздувались торговцами от искусства. «Этот образ бесконечно далек от истины»,— утверждает дочь художника Жанна Модильяни в книге, которая так и называется «Модильяни без легенды».

Легенды окружали его и при жизни. Так, считалось, что Евгения Гарсен, мать художника,— прямой потомок философа Спинозы. Известно, однако, что Барух Спиноза, проживший бездетным аскетом, умер, не оставив наследников.

По другой широко распространенной легенде, Модильяни был сыном богатого банкира. Художник сам уверял в этом поэта Гийома Аполлинера, одно время служившего в парижском банке. Жанна опровергает вымысел о существовании банкиров в их роду. Более того, к моменту рождения Амедео, в июле 1884 года, финансовое положение семьи было катастрофическим, имущество описано за долги. Нужда, вставшая у его колыбели, преследовала Модильяни всю жизнь.

Несмотря на бедность, мать поддерживала желание Амедео стать художником: в семье господствовал культ самообразования, тяга к искусству, философии, литературе. Сама Евгения Гарсен занималась переводами, вела частную школу французского и английского языков. Немудрено, что и Амедео великолепно знал литературу и поэзию, свободно владел французским. Когда Модильяни приехал в Париж в 1906 году, он имел за плечами учебу во Флорентийской академии художеств и в школе изящных искусств в Венеции.

Молодой художник стремился к «собственной правде о жизни, красоте и искусстве». «Мне хотелось бы,— писал он другу перед приездом в Париж,— чтобы моя жизнь растекалась по земле бурным радостным потоком». Полный надежд, в ожидании «головокружительной непрерывной духовной деятельности», Модильяни появился среди художников на Монмартре, сразу обратив на себя внимание эрудицией, редкой красотой, аристократизмом.

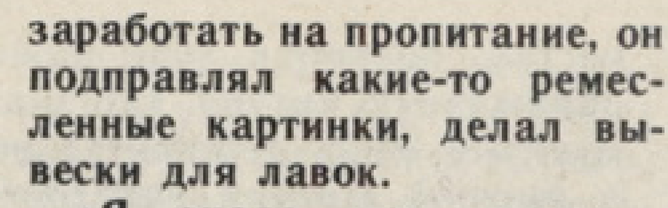
По словам Жана Кокто [1], «Модильяни был красив, сум-

[1] *Жан Кокто (1889—1963) — французский поэт, писатель, кинорежиссер. Антиной (II век н. э.) — греческий юноша, прославленный своей красотой.— Прим. авт.*

рачен, романтичен». «У него была голова Антиноя и глаза с золотыми искрами,— вспоминает Анна Ахматова,— он был совсем не похож ни на кого на свете... Дыхание искусства еще не обуглило, не преобразило его, и все божественное в Амедео только искрилось сквозь какой-то мрак».

Едва ли какой-нибудь другой художник так великолепно знал поэзию. Модильяни мог часами читать на память Данте, Вийона, Верлена, Бодлера, Рембо. Его увлечение литературой поражало при первом же знакомстве. Скульптор Жак Липшиц пишет: «...когда я думаю теперь о Модильяни, он всегда ассоциируется у меня с поэзией. Может быть, потому, что меня познакомил с ним поэт Макс Жакоб? Или потому, что, когда Макс представил его, Модильяни вдруг начал в полный голос читать «Божественную комедию»? Помню, что, не понимая ни слова по-итальянски, я был очарован этим вдруг прорвавшимся мелодичным потоком стиха и красотой его облика; он выглядел аристократично даже в поношенных вельветовых брюках. И позднее Модильяни поражал нас своей любовью к поэзии, иной раз в самые неподходящие для этого моменты».

В бродячей полуголодной жизни, которую Модильяни пришлось вести в Париже, оставалось слишком мало места для поэзии. Непризнание, нищета, одиночество — вот с чем столкнулся здесь художник. Париж развеял его иллюзии. Бесконечные переезды из одного убогого жилища в другое, из ветхой каморки — в нищенское общежитие художников. Его гнала нужда. Очень скоро кончились небольшие деньги, собранные для Амедео матерью. Чтобы

заработать на пропитание, он подправлял какие-то ремесленные картинки, делал вывески для лавок.

«Я знала его нищим,— вспоминает Анна Ахматова,— и было непонятно, чем он живет,— как художник он не имел и тени признания.

Беден был так, что в Люксембургском саду мы сидели всегда на скамейке, а не на платных стульях, как было принято. Он вообще не жаловался ни на совершенно явную нужду, ни на столь же явное непризнание. Только один раз он сказал, что прошлой зимой ему было плохо так, что он не мог думать даже о самом ему дорогом. Он казался мне окруженным плотным кольцом одиночества...»

Картины Модильяни не продавались. Его любовь к мастерам раннего Ренессанса, к Италии чисто флорентийской казалась старомодной в эпоху, когда «наследие прошлого» предавали анафеме, когда кубисты сводили человеческое лицо к простейшей геометрической структуре. Современное искусство отвернулось от Италии, которую в то время воспринимали как оплот старины, конечно, восхитительной, но давно оставленной в прошлом всем ходом развития. Попытка Модильяни оживить флорентийскую грацию считалась занятием безумным, безнадежным.

Он бедствовал, но предпочитал идти своим путем, не желая ни к кому приспосабливаться. Модильяни сдружился с Пикассо, Дереном и Вламинком, но не примкнул ни к кубистам, ни к фовистам, хотя те и другие вошли в моду, их стали покупать и коллекционировать. По выражению Кокто, он «позволил себе роскошь быть бедным». Он считал, что кубисты ищут только средства, не обращая внимания на жизнь, которая этими средствами распоряжается. Образ человека с его характером и судьбой, выхваченный из жизни,— вот что волновало Модильяни и «чему не могло быть места ни в геометрической метафизике кубизма, ни в оргиях чистого цвета на полотнах фовистов».

Участие в выставках 1907 и 1908 годов в «Салоне независимых» не принесло ему никакого успеха. Картины Модильяни казались провинциальными, далекими от новейших художественных течений. «Его не понимали даже просвещенные ценители живописи, — свидетельствует И. Эренбург.— Для тех, кому нравились импрессионисты, Модильяни был несносен равнодушием к свету, четкостью рисунка, произвольным искажением натуры... а для любителей кубистических полотен Модильяни был анахронизмом».

Неудачи на выставках подействовали на художника удручающе. В 1909 году он почти совсем забросил живопись, особенно после встречи со скульптором Константином Бранкузи. Этот выходец из румынской деревни пробивал себе дорогу в искусстве с долготерпением и упорством крестьянина, привычного к каторжному труду. Когда сам Роден предложил Бранкузи работать у него в студии, тот отказался, сказав: «Ничего не вырастает как следует в тени большого дерева».

Бранкузи «благословил» Модильяни всерьез заняться ваянием, посоветовав осуществить его рисунки кариатид в камне. Модильяни высекал свои скульптуры из блоков песчаника, которые ему приходилось таскать со строительных площадок, ибо денег на материал у него не было. Долго работать он не мог: его легкие были поражены туберкулезом, и каменная пыль душила его.

В 1912 году Модильяни удалось выставить 8 своих скульптур в «Осеннем салоне». Задуманные как единый ансамбль, они были расположены по высоте, наподобие органных труб, создавая особое музыкальное впечатление. Одно время Модильяни мечтал о храме в честь человечества с кариатидами, поддерживающими своды. Он называл их «столпами нежности». Однако лихорадочная работа над скульптурами очень скоро привела художника на грань истощения. Однажды друзья нашли его лежащим на полу в голодном обмороке. Чтобы выжить, Модильяни вынужден был вернуться в Ливорно.

Скульптор Осип Цадкин, посетив мастерскую Модильяни, писал: «Скульптор в нем постепенно умирал. Портреты и рисунки вытеснили эти каменные головы. Незаконченные, они валялись под открытым небом: то купались в грязи маленьких парижских дворов, то принимали на себя неистощимую парижскую пыль... Большая каменная фигура, единственная статуя, которую он закончил, лежала кверху животом под серым небом...»

В Ливорно Модильяни выполнил еще несколько скульптур — друзья раздобыли для него куски камня. Именно в связи с этими скульптурами и возникла та, самая упорная, легенда об исчезнувших изваяниях, которая теперь, кажется, развеяна навсегда.

Через полгода художник вернулся в Париж, без которого не мог жить. Странный парадокс, вносивший раздвоенность в его жизнь: он чувствовал себя пасынком в Париже, был здесь несчастлив, но нигде больше не мог работать и, словно каторжник к галере, был прикован к этому городу. «Моя мечта жить в Италии,— признавался Модильяни,— в этой стране, пропитанной искусством. Но живопись, очевидно, сильнее моих желаний. Она требует, чтобы я жил в Париже, только его атмосфера меня вдохновляет...» «До чего же выразительно счастье и несчастье оттачивают лица в этом городе!»

В человеческом лице, наивысшем создании природы, художник находил для себя неисчерпаемый источник вдохновения. В 1913—1915 годах портрет становится главным жанром его творчества, подчинив себе даже обнаженную натуру. Его знаменитые «ню» действительно в высшей степени «портретны». Увлечение Модильяни скульптурой, прежде всего деревянной, и негритянскими масками, покорившими в те годы художественный мир Парижа, возможно, повлияло на «маскообразность» его портретов. Художник взял лишь некоторые стилистические черты примитивного искусства, находясь скорее под влиянием его духа. Что же касается изысканной выразительности лиц на его портретах, то это благородное изящество и гармония тосканского искусства, к которому Модильяни был так привязан.

В эти годы живопись Модильяни обретает неповторимость. «Уже очень скоро,— пишет А. Ахматова,— он становится столь самобытным, что ничего не хочется вспоминать, глядя на его холсты». В эпоху увлечений формой ради формы он не допускал, чтобы абстракция встала между ним и его моделями. Одним из первых это понял Жан Кокто: «Модильяни не вытягивает лиц, не подчеркивает их асимметрии, не выкалывает человеку почему-то один глаз, не удлиняет шею. Все это складывалось само собой в его душе. Так он рисовал нас за столиками «Ротонды», рисовал без конца, так он нас воспринимал, судил, любил или опровергал. Его рисунок был молчаливым разговором...»

Целую галерею людей мы видим на портретах Модильяни: натурщицы и модистки, рассыльные и горничные, его друзья художники и поэты — каждый со своей неповторимой судьбой. Ему удавалось проникнуть в их души, разглядеть надежды, тоску или затаенную боль. В портретах Диего Риверы, Вламинка, Пикассо, Макса Жакоба, Сутина, Бакста, Цадкина, Липшица, жены Модильяни Жанны Эбютерн схвачена сущность каждого характера: добродушие и гордыня, мягкость, сдержанность, вызов, покорность. «Он создал множество людей. Их печаль, оцепенение, их затравленная нежность потрясает,— пишет в своих воспоминаниях И. Эренбург.— Может быть, иной ревнитель «реализма» скажет, что Модильяни пренебрегал природой, что у женщин на его портретах чересчур длинные шеи или чересчур длинные руки. Как будто картина — это анатомический атлас! Разве мысли, чувства, страсти не меняют пропорций? Модильяни не был холодным наблюдателем, он не разглядывал людей со стороны, он с ними жил. Это портреты людей, которые любили, томились, страдали».

Модильяни был чуток к чужому страданию. Недаром считают, что после Гогена он лучше всех умел выразить в своем творчестве чувство трагического, но у него оно лишено какой-либо исключительности. Ведь художник сам слишком хорошо знал, что такое страдание: был неизлечимо болен, голодал и бедствовал. Он никогда никому не жаловался, никого не просил о помощи. С молчаливым упорством Модильяни шел, ни в чем не изменяя себе, тяжким путем непризнанного художника сквозь непонимание и враждебность. Он сохранил свою творческую независимость, свой неподражаемый стиль, потому и занял место в ряду великих художников.

Модильяни рисовал свои модели сразу, без поправок, в несколько штрихов, мгновенно схватывая суть, характер, настроение. Это мастерство кто-то назвал «уверенностью лунатика». Ему было присуще особое чувство линии, изящество рисунка. По словам Кокто, «рисунок Модильяни в высшей степени элегантен. Его линия часто была настолько легкой, что казалась призраком линии... Если его модели в конце концов напоминают друг друга, то это так же, как похожи все молоденькие девушки Ренуара... Он подводил всех к своему стилю, к тому типу, который носил в самом себе... утверждая таинственный образ своего гения». Модильяни рисовал, раздавая рисунки посетителям «Ротонды», уже не надеясь их продать.

Здесь, в «Ротонде», судьба свела художника с польским поэтом Леопольдом Зборовским. С первой же встречи Зборовский уверовал в великое будущее Модильяни и стал его преданнейшим другом и бескорыстным маршаном. Нужна была вся его искренняя любовь к искусству и привязанность к Модильяни, чтобы с утра до ночи рыскать по Парижу, тщетно пытаясь пристроить картины никому не известного итальянского художника.

Стараниями Зборовского была открыта выставка работ Модильяни в крошечной галерее Берты Вэйль, «покровительницы молодого искусства». В день открытия разразился скандал: полиция потребовала убрать с витрины выставленных в ней «ню», обвинив художника в «оскорблении нравственности». Ни на этой, ни на следующей выставке, где Модильяни показывал свои портреты вместе с Матиссом, Кислингом и Цадкиным, на его холсты не нашлось покупателей. Он остался непонятым и отверженным. Все его великолепные полотна, теперь продающиеся за баснословные цены (недавно на аукционе Сотби одна из его «ню» была куплена за четыре миллиона франков — сумма, которую Модильяни не прожил за всю жизнь), тогда никто не хотел брать даже за десять франков, и они грудой лежали в темной комнате у Зборовского. Пожалуй, только он один и верил, что настанет день, когда по достоинству оценят этого художника.

Отказывая себе во всем, Зборовский отправил больного Модильяни отдохнуть в Ниццу: туберкулез прогрессировал, и сам художник совершенно не щадил себя. Он не слушал добрых советов Зборовского. «Он ведь был дитя звезд,— говорил тот о Модильяни,— и реальная действительность для него не существовала».

Реальная действительность отпустила художнику 10 лет лихорадочных поисков, напряженнейшего труда в условиях глухого непонимания, нищеты, смертельной болезни и одиночества. «Нет у меня друзей! Нет у меня друзей!» — кричал он вслед компании художников, с которыми провел последний вечер, холодный и ветреный, оказавшийся для него роковым. На другой день без сознания его доставили в «Шарите» — «больницу для бедных и бездомных». Модильяни умер, не зная, что это убьет и Жанну, его юную жену, и ребенка, который должен был родиться. Узнав о его смерти, верная спутница Модильяни, не захотевшая пережить разлуку с ним, выбросилась из окна.

«Жизнь Модильяни была короткой и яркой вспышкой молнии,— писал Жак Липшиц.— Хотя он умер таким молодым, он выполнил то, что хотел».

«ТЕМНО-ЛИЛОВЫЕ» ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Об английском ансамбле «Дип перпл» «Ровесник» писал в № 3 за 1975 год. Тогда мы рассказывали читателям, что группу создал в 1968 году органист Джон Лорд, вершины своей популярности она достигла в 1970—1971 годах, когда пришли певец Иэн Гиллан и бас-гитарист Роджер Гловер. В те годы «Темно-лиловые» писали и антивоенные песни, и песни протеста, их лучшие вещи отличали и композиционная зрелость, и высокое исполнительское мастерство. Но уже к началу 1972 года на первый план у «Дип перпл» вышла отнюдь не музыкальная проблема денег. Критика тогда отмечала, что творчески они деградируют, повторяют себя композиционно. И к сентябрю 1973 года «Дип перпл» уже выступали в новом составе (без Гиллана и Гловера) и в новом качестве. Сейчас «Дип перпл» снова собрались в своем «настоящем» составе. Что из этого получится! Как считает французский журналист Тьери Шатен, интервью которого с «Темно-лиловыми» мы здесь публикуем, «хуже, чем было, быть просто не может».

Тьери ШАТЕН,
французский журналист

Итак, «Дип перпл» снова вместе, в своем самом нашумевшем составе: Иэн Гиллан, Ричи Блэкмор, Иэн Пэйс, Роджер Гловер (теперь он, помимо прочего, и продюсер группы) и основатель и бессменный участник ансамбля Джон Лорд.

Жду знаменитую пятерку в холле гамбургской гостиницы «Интерконтиненталь». Воссоединение «Дип перпл» кое-кто из мира музыкальных деловых людей с самого начала рассматривал как надежный способ взбодрить любителей «тяжелого рока» и собрать обильный урожай на волне их энтузиазма, подогретого именами, овеянными легендой. Интересно, а что собрало вместе самих музыкантов? Судя по их отношению к моей просьбе об интервью, они остались прежними капризными суперзвездами: Гиллан «улетел в Лондон», Блэкмор «предпочел играть в футбол», Пэйс, как обычно, отмолчался. Остались Гловер и Лорд, продюсер и главный аранжировщик.

— Разговоры об этом шли несколько лет, и вот — свершилось. Что заставило вас воссоздать «Дип перпл»?

Джон ЛОРД: Примерно пять-шесть лет бизнесмены, менеджеры, агенты фирм грамзаписи постоянно просили нас воссоединиться, говорили, что на этом можно заработать кучу денег. Но каждый из нас был занят своим делом и был вполне доволен, поэтому мы отказывались. Но года два назад меня нашел Иэн Гиллан и сказал, что он порвал со своей группой и хотел бы петь с настоящими «Дип перпл». Я согласился, но только при условии, что мы создадим что-то новое, а не будем гастролировать по стадионам и петь старые вещи. Пэйс тоже дал согласие. Блэкмор и Гловер имели обязательства перед своей группой «Рэйнбоу», но в конце концов они порвали с ней и согласились тоже.

Мы встретились весной 1984 года. Впервые мы собрались все впятером, будто мы вернулись на десять с лишним лет назад. Так хорошо, как тогда, нам больше не было. Не стану притворяться, будто мы не хотим заработать, но не это главное. Мы хотим вернуться к себе такими, какими были в 1972-м, делать ту нашу музыку, нить которой мы порвали.

Роджер ГЛОВЕР: Вряд ли удастся переубедить тех, кто считает, что мы снова вместе из коммерческих соображений. Но здесь другое. Мне трудно сформулировать свою мысль, но с того момента, как мы заиграли вместе, я лично счастлив. Мы пытаемся восстановить ту невидимую связь, что была между нами тогда.

— Но у вас всегда были сложные отношения...

Джон ЛОРД: До 1972 года у нас все было прекрасно. А потом из нас сделали машину для делания денег. Почти весь 1972 год мы провели на гастролях в США. Там-то все и началось: устали. Гиллан и Блэкмор начали ссориться, а наши менеджеры хотели выжать лимон до капли. Тогда Гиллан и решил уйти, а за ним и Гловер, они были друзья.

Мы и сейчас часто спорим на репетициях, но прошло десять лет, мы стали старше и, возможно, мудрее. Мы сумели сделать выводы из наших старых ошибок.

— А как прошли репетиции в «новом старом» составе?

Роджер ГЛОВЕР: Поначалу ощущение было довольно странным. Все же прошло десять лет, мы все изменились. Но мы ведь так и хотели — не жить за счет прошлого.

— Какие у вас планы?

Роджер ГЛОВЕР: Начнем с гастролей по Новой Зеландии и Австралии, потом Европа и США. А после этого — запись в студии.

Джон ЛОРД: Не хотелось бы стать ансамблем для кабаре, пусть и высокого класса. Играть старый репертуар и вызывать ностальгию слушателей по 70-м. Но, конечно, мы будем играть и старые вещи, те, что публика любит.

— Не испытываете ли вы странного чувства, играя перед публикой, которая в среднем вдвое моложе вас.

Роджер ГЛОВЕР (*раздраженно*): Публика есть публика. В конце концов я люблю играть. Времена меняются. Рок перестал быть музыкой только молодежи. У нас есть и прежние поклонники.

Джон ЛОРД: Мы должны показать, что и сегодня можем звучать современно. Нельзя терять связь со слушателями. Очень надеюсь, что с нами этого не произойдет.

— В любом случае предстоит напряженная работа. Выдержите?

Джон ЛОРД: Когда встаешь в семь утра, чтобы успеть на девятичасовой самолет, с которого надо пересесть на вылетающий в одиннадцать, а третий — в тринадцать, первый опаздывает, и ты не успеваешь на следующий, а тебя ждут на стадионе, и прямо с трапа без отдыха на сцену — тут недолго и сломаться. Но ведь мы знали, на что шли.

Ну что ж, будущее покажет. Хуже последних пластинок «Рэйнбоу» с Блэкмором и Гловером и жалкой клоунады Гиллана с «Блэк саббат», думаю, они уже ничего сделать не смогут. К тому же всегда найдутся слушатели, которым приятно унестись на десять лет назад.

P. S. К сожалению, пророчество Тьери Шатена сбылось. Вот что пишет зарубежная пресса о новой работе ансамбля:

«Задаешь себе вопрос: ну кому было нужно новое появление «Дип перпл»?» То ли Ричи Блэкмору — показать, что пальцы у него по гитаре еще ой как прытко бегают? То ли им всем, чтобы доказать, что новые группы «тяжелого рока» выросли из «Дип перпл»? Что верно, то верно, они здорово умеют играть на своих инструментах, но слушаешь их и все ждешь: когда же кончится вся эта проверка качества звучания и начнется сама музыка? И тут вспоминаешь: ведь так было и раньше. Стало быть, они сделали такую пластинку, на какую только и способны.

«Можешь ли ты припомнить, как меня зовут?.. Я — эхо твоего прошлого». Это слова из первой композиции, по которой назван весь альбом «Совсем чужие». Это, по-видимому, и есть нынешние «Дип перпл». Как известно, старея, люди любят говорить о прошлом.

В рекламной кампании, развернутой перед выходом пластинки, «Дип перпл» уверяли всех, что деньги им совершенно не нужны и собрались они вовсе не для заработков. Так для чего же? Наверное, ответ содержится в песне «Рассветы, потраченные впустую»: в ней говорится о стареющей рок-звезде, человеке, который «обменял блюзы на злато-серебро», и теперь ему уж ничего не остается, как «одиноко коротать вечера».

Многие не узнают этого молодого человека, чьи черты я здесь запечатлеваю, и не вспомнят ни единой минуты, когда сами были бы похожи на него. Дело в том, что не каждому довелось быть молодым. Не следует думать, что молодость — благо, которое судьба дарует всем подряд; припомним наш коллеж, припомним четырнадцатилетних торгашей или светских щеголей, таких рассудительных, таких спесивых, мечтавших о престижном клубе, необходимом для того, чтобы, едва вырвавшись из школы, упрочить свою репутацию.

Немало юных созданий минует молодость, их быстро превращает в мужчин светская жизнь, если они родились в буржуазной семье, или нужда — если они из простых. Светские обычаи и условности убивают юность так же неотвратимо, как подневольный труд. Дети из народа мужают как-то сразу: юности необходим досуг — для бескорыстных занятий, чтения, бесед. Каким гением должен быть двадцатилетний чернорабочий, отстоявший в себе молодость! Воспоминания Горького о детстве читаешь с тревогой: кажется, что жестокие испытания вот-вот погасят высокое пламя.

ВАШЕ МНЕНИЕ?

ЗНАКОМЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

Франсуа **МОРИАК**,
французский писатель

Неопределенность — вот та черта, по которой мы узнаем молодого человека. В нем живет девственная сила, еще не истраченная на что-то одно; он еще ни от чего не отказывается; его зовут все стези. Это время бесшабашности и святости, печалей и ликования, насмешек и преклонения, честолюбия и жертвенности, жадности и самоотречения... Через какую ломку надо пройти, чтобы достичь так называемого возмужания!

Ребенок жил в стране чудес, под сенью родителей. Но приходит отрочество, и внешний мир внезапно сужается. Теперь уже не вне себя, а в себе самом подросток открывает бесконечность: он, который был малым ребенком в огромном мире, восхищенно созерцает свою необъятную душу в съежившейся Вселенной.

Он ощущает в себе молодость, словно болезнь, болезнь нашего века, а на самом деле — всех веков с тех самых пор, как существуют молодые люди, которые страдают.

Те, кто к тридцати годам сколотил состояние, прославился в литературе, основал газету, побил все рекорды, словом, шахматисты, играющие одновременно на множестве досок с разными противниками,— даже они временами впадают в глубокую депрессию. У этих ненасытных завоевателей нужда в коктейле часто острее, чем в хлебе; они подстегивают себя алкоголем: в лихорадочной энергии молодых дельцов есть нечто безумное.

Войско работающих локтями и стан отчаявшихся, ищущих способа убежать от действительности, часто смыкаются на почве ненависти к культуре. Первым недоступно любое бескорыстное занятие: они не склонны тратить время на бесполезное. Вторые отметают все, что не могут усвоить по собственной лени и беспорядочности. Они объявляют, что вся сущность эпохи содержится в двух-трех произведениях, чаще всего самых темных, в которых они угадывают ту же путаницу, что царит у них в головах.

Юные уверены только в нынешнем дне и всеми способами пытаются извлечь из него доход либо бегут от него, смотря по тому, что им милее — действительность или мечта.

Быть молодым — это радость, прорывающаяся сквозь тяжелейшие испытания.

Двадцать лет — это такое чудо, что все мы помним, в какое отчаяние приходили, когда нам исполнялся двадцать один. И насколько меньше беспокоимся мы об уходящем времени, когда приближаемся к сорока! Мы плакали о том, что старимся, тогда — в мимолетные годы нашей весны.

Молодой человек сознает себя как великую ценность. Он ухаживает за своим телом, любовно упражняет мускул за мускулом, отказывает себе в удовольствиях, жертвует слишком бурными наслаждениями, чтобы они не пошли во вред его силе, которую он обожествляет. Нарциссизм молодых часто спасает их от опасных излишеств. Нарцисс склонен к целомудрию: лишь бы ничто не преображало его облика, которым он восхищается.

Молодежь, недолговечное племя! Но часто бывает и так: молодость прошла сквозь человека и ушла от него, а в нем живет то же сердце, тот же голод, только вот надежды на утоление этого голода больше нет. Горе тому, кто во дни любовного благоденствия не обрел преданного сердца, истинной привязанности, против которых время бессильно.

Многие юноши все время ощущают исход молодости. Они чувствуют, как с каждым мигом стареют. Весь романтизм вырос из одержимости юных богов, которые знали, что они смертны, что наступит и для них время уйти на покой; а что такое современная поэзия, как небеспрерывный вопль о смерти!

И все-таки поэтический дар — это юность, восторжествовавшая в человеке, это юность, которая сильнее време-

ни; все усилия цивилизованного человека направлены на то, как бы вывести любовь за границы молодости.

Молодой человек как птица. В нем борются два инстинкта: один велит жить в стае, другой — уединиться с самочкой. Но тяга к товариществу долгое время пересиливает. Если и впрямь все наши беды происходят оттого, что мы не умеем оставаться наедине с собой, то молодых людей стоит пожалеть, потому что для них это испытание особенно невыносимо; понаблюдайте, как они поджидают, окликают друг друга, обсиживают скамейки в Люксембургском саду — точь-в-точь воробьи!

Все они полуночники по той простой причине, что сидение в четырех стенах им претит. Вот они и бродят взад-вперед, без конца провожая друг друга, пока не свалятся с ног от усталости. И подобно тому как жизнь воробьев проходит в чириканье, так жизнь молодых людей протекает в разговорах.

Товарищество приводит к дружбе; два юноши обнаруживают, как много между ними общего: «И я тоже... И у меня так бывает...» — вот самые первые связующие их слова. Дружба, как правило, рождается с первого взгляда. Вот наконец нашелся близкий человек, все понимающий с полуслова! Единство во всех переживаниях! Одно и то же удручает друзей, одно и то же прельщает. Даже разница между ними и та укрепляет единство: каждый восхищается в своем друге достоинствами, которых так мучительно не хватало ему самому.

В истинной дружбе все ясно и безмятежно. Слова означают для обоих друзей одно и то же. Каждый знает, что такое верить на слово, что значит скромность, честность, бескорыстие. Тот, кто умнее, делится своими заветными мыслями с тем, кто восприимчивей; а тот открывает другу мир своего воображения. Почти всегда дружбе придают устойчивость книги, которые так трудно любить, ни с кем не делясь, музыка, которой мы прежде не знали, философия. Каждый приносит другому свои сокровища. Переберите в памяти лики вашей собственной молодости, вглядитесь в ваших друзей: за каждым стоят приобретения. Тот дал мне прочесть «Братьев Карамазовых», этот открыл «Сонатину» Равеля; а с тем мы ходили на выставку Сезанна, и глаза мои отверзлись, словно раньше я жил незрячим.

Но молодые люди бывают обязаны друг другу и еще более драгоценным приобретением: это страстное желание послужить делу, которое намного больше, чем ты сам; как характерно это стремление для молодых, сбивающихся в стаи! Все общественные, политические, религиозные течения, сумевшие наложить отпечаток на нашу эпоху, начинались прежде всего с дружбы.

До чего дружба отличается от любви! Вкусив радости любви, молодые чувствуют, что по-прежнему одиноки рядом с загадочным, непостижимым существом, принадлежащим к другому полу, то есть все равно что к иной планете. Любовь, быть может, ничего не приносит молодым, кроме чувства потерянности, хотя они себе в этом и не признаются. Дело в том, что нередко самая обожаемая подруга говорит на ином языке, чем мы, и то, что для нее бесконечно важно, представляется нам пустяками. Зато все, что имеет значение для нас, ей безразлично, и наша логика ей непонятна. Иногда возлюбленная — это неприятель, недоступный пониманию и ускользающий от присмотра. Вот почему любовь неотделима от ревности: в чем только не заподозришь существо, все поступки которого застают нас врасплох, как гром с ясного неба!

Но разве любовь не обогащала нас, когда мы были молоды! Разве наши подруги не были нам лучшими наставницами! Это бесспорно так. И все же от нашей любви остается куда больше горечи, чем от нашей дружбы.

Наибольшего сожаления достойны те времена, когда девушка внушает себе, что ей положено быть многоопытной соблазнительницей. Ей неведомо, насколько привлекательней она была, когда казалась недоступной. Какие бы скрытые сокровища она ни таила в себе, они ничтожны по сравнению с теми, которыми наделяло ее наше воображение.

Молодой человек обнаруживает, что девушка — это редкий вид «на грани исчезновения» и она очень скоро исчезнет из нашей цивилизации, которая велит женщине очень рано локтями пробивать себе дорогу в жизни. Наши варвары-дети будут удивляться, что нам еще была известна эта роскошь — мы знали женщин, которые, давно достигнув брачного возраста, оставались чистыми, неискушенными и боязливыми. Но юноша никогда не расстанется с мечтой о непорочной подруге, которая должна принадлежать ему одному.

О молодости говорят, что это возраст, когда мы испытываем потребность преклоняться перед другими и принижать себя. Но любовь не приносит юноше утоления этой

Мы сознательно предпослали отрывку из книги известного французского писателя Франсуа Мориака «Не покоряться ночи»[1] заголовок «Знакомый незнакомец», стремясь подчеркнуть человеческую общность молодых людей во всем мире и поразительные различия в их сознании, отражающие различие обществ, в которых формируется молодой человек — тот, выписанный Франсуа Мориаком, и этот, знакомящийся с ним ровесник с «Ровесником» в руках.

Многое должно показаться вам, наш читатель, очень близким, знакомым, очень похожим и одновременно таким далеким и чуждым, словно речь идет о жителях иной планеты.

Нам кажется, что именно в этом самостоятельном сопоставлении близкого и далекого, которое предстоит сделать каждому, кто захочет познакомиться с психологическим, нравственным и социальным портретом своего зарубежного сверстника, смысл предлагаемой публикации.

В ней — откровенный анализ таких качеств и потребностей молодежи, которые бытуют в мире не очищенном, не облагороженном высокой идеей, достойной целью, вдохновляющей перспективой, где главное — индивидуализм и эгоизм, стремление устроиться, иметь деньги. Но не только. Высвечивая «темные» стороны молодой души, автор помогает увидеть таящиеся в ней опасности и уберечься от них.

А что скажете вы, уважаемый читатель!

[1] *Книга «Не покоряться ночи» готовится к печати в издательстве «Прогресс».*

потребности: его любовь проникнута тщеславием, и под ее воздействием даже сущий скромник пускается в самое смехотворное бахвальство. Едва ли стоит особенно доверять тому, что рассказывают юнцы о своих подвигах: очень немногие из них признаются в неудачах, в поражениях, очень немногие отказывают себе в удовольствии покрасоваться перед публикой в ореоле мнимых побед. Такой победитель и умрет, пожалуй, ни разу не задумавшись над тем, что своими любовными успехами во многом обязан престижным атрибутам, обеспеченным ему родителями. Он пустит на ветер состояние и ни на миг не усомнится в том, что был любим ради себя самого. Подобное неведение было бы необъяснимо, если бы в начале каждой такой любовной карьеры не стоял пример истинного женского бескорыстия.

Несомненно, что желание полюбить, сознательное стремление отдать в чужие руки нашу муку и радость, доходит до наивысшей точки именно в юности.

Но, может быть, любовь — это признак оскудения и упадка сил. Мы ищем спасения и поддержки вне нас самих, хотя, бывает, этим юным невозмутимым атлетам, полным сил и чуждым всякой мечтательности, никто не нужен; они путают любовь с разгулом. Откуда такому юноше, довольному своим телом, благоговеющему перед каждым своим мускулом, безмятежному чудовищу, самовлюбленному и самодовольному,— откуда ему знать, что значит страсть, невозможность жить без другого существа! То, что он называет любовью, есть, в сущности, любование собственным отражением в глазах подруги; он влюблен в собственную силу, в собственную власть; ему любопытно, до какого предела он может довести чужие страдания; ему необходимо, чтобы под рукой все время был смиренный свидетель, невольник, живой символ его господства.

Натолкнувшись на сопротивление, он страдает, потому что усматривает в нем признак своего упадка, и тогда он входит в азарт, злится; таковы у многих молодых людей любовные страдания: они сводятся к тревоге за свою власть, к самолюбию, к уязвленному тщеславию.

Но каждая любовь, каждая дружба, пересекаясь с нашей судьбой, оставляет в ней след на веки вечные. Молодой человек, не зная сам себя, вглядывается в собственное отражение в сердцах своих жертв и с грехом пополам подлаживается к нему: в результате он усваивает себе те добродетели, которыми его награждают. А те, которыми его не наградили, он тоже усвоит, потому что упражняется в них, занимаясь своим ремеслом (быть любимым — это ремесло).

Быть любимым — значит состоять под надзором; поэтому самый чистосердечный юноша приучается скрытничать и искусно пускать пыль в глаза. Быть любимым — значит регулярно получать причитающуюся дань поклонения,— и даже самый скромный влюбленный не упустит своей выгоды, сколотит на этом капитал, доходом с которого будет пользоваться всю жизнь. И наконец, любовь не всегда так уж слепа, как принято думать: быть любимым — значит причинять страдания, но это терзаемое нами существо, чья жизнь во всем зависит от нашей, знает нас лучше, чем мы сами себя знаем, и, причиняя ему страдания, мы время от времени силой вырываем у него обличения, высвечивающие нас до самого дна.

Молодость — это возраст, когда человек ищет помощи, исповедуется. До чего сдержанными покажутся самые откровенные книги тому, кто выслушивал признания юношей!

«Я страдаю,— признается мне в письме один двадцатилетний,— страдаю оттого, что слишком переполнен собой.

Передо мной открывается жизнь: мне хотелось бы не упустить время, не натворить тысячу ошибок, о которых меня предупреждали. Но попробуй действовать, если заранее предвидишь столько помех! Хочу найти себе применение. Но где! Как! Я боюсь бездельничать, боюсь утратить связь с истинным человечеством. Как мне набраться решимости! Опять-таки мне слишком хорошо известно, как одни терпели бедствие по дороге, а другие вообще не пускались в путь. Я не слыхал только о таком чуде, чтобы кто-нибудь достиг цели. Я не выношу всяких чокнутых, которые не живут простой, нормальной жизнью, и я должен сделать усилие, чтобы обрести эту простую, нормальную жизнь. У меня «под толстой шкурой» кипят такие страсти, а жить им нечем... Вокруг или нищие духом — общение с ними для меня мучительно,— или богатые духом, но до них не достучаться; повторяю, я совсем один».

Другой юноша пишет мне: «...с одиночеством я смирился; не буду и пытаться убежать от одиночества; одиночество меня победило. Я жертвую любовью, дружбой, даже товариществом; я смиряюсь с молчанием, я глотаю слова, готовые сорваться с языка, я общаюсь лишь с созданиями моего воображения. Вижу, как во мне, на мне дрожит последний отблеск молодости, не замеченный никем на свете. Слова не достигают и не задевают меня: они словно доносятся откуда-то издалека! Что же во мне есть такого, что отдаляет меня от других с этой головокружительной силой! Все, что было со мной в этом году, мои порывы навстречу такому-то или такой-то, приливы и отливы, над которыми я не властен,— у всего этого нет будущего. Я лишился последних источников надежды. И какое непропорционально огромное место занимают в моей жизни всякие бесцветные личности! С какой готовностью мое сердце вбирает самые убогие голоса, чудовищно увеличивая лица, которые в нем отражаются! Отныне все мои дни будут похожи на сегодняшний пасмурный вечер: мне даже некому позвонить и позвать в гости, если бы я вдруг этого захотел».

Некоторых молодых людей мучит то, что они не могут полюбить. Их гнетет собственное безразличие. Вокруг них на все лады прославляется любовь, а они уже и не надеются когда-нибудь ее изведать. Они видят у своих ног жертвы, чувствуют, как у них в руках, словно прекрасные голуби, трепещут чужие сердца. Они завидуют смятению, в которое сами же ввергают других, и страдают оттого, что бессильны страдать.

«Я никого не люблю; я никогда и никого не любил; не знаю, что это такое — любить...» Сколько раз мы выслушивали подобные признания! Для посредственностей это очень выгодно: они могут не опасаться, что в их игру вмешается сердце. Но другие гибнут от собственной бесплодности. Мечтая ее превозмочь, они идут на самые отчаянные попытки: едва им почудится призрак любви, они бросаются ему навстречу с распростертыми объятиями.

Другие страдают оттого, что не могут быть любимы; они не сознают собственного очарования, не знают, что молодость заставляет светиться и заурядные физиономии. Им кажется, что предмет их любви безнадежно далек, и ничто не наводит их на мысль, что, в сущности, стоит только руку протянуть. Их ни на секунду не покидает сознание собственного мнимого уродства, мешающее им перешагнуть через порог гостиной, магазина, а в женском обществе придающее им затравленный вид; иногда они ударяются в невыносимые дерзости, лишь бы женщины поверили, что они сами желают оттолкнуть от себя всех вокруг. Они помешаны на том, что все над ними издеваются. Каждый девичий смешок они принимают на свой счет. Их исцелила бы чья-нибудь любовь, но они живут замкнуто и сторонятся женщин, и — что правда, то правда — женщинам они не нравятся: лучшее средство отпугнуть любовь — это неверие в то, что можешь быть любим.

Размышляя обо всем этом, мы возмечтали о небольшом очерке на тему воспитания сыновей. Эта проблема как-то никого не заботит. Давайте наберемся мужества и признаем, что наши сыновья предоставлены в развитии сами себе, что мы во всем полагаемся на жизнь, и она, конечно, недурная воспитательница. Большинство подростков очень рано узнает, что главное — уметь устраиваться; всеми их поступками руководит необходимость; они примечают, что деньги дают тысячу преимуществ, не говоря уж о главных: независимости и всеобщем уважении. Мы только о том и хлопочем, как бы обеспечить нашим детям положение. Большинство из них воображает себя не иначе как в каком-нибудь американизированном бюро: в мечтах они уже диктуют письмо влюбленной в них, но презираемой секретарше, а у подъезда ждет машина наиновейшей марки, она в мановение ока доставит владельца в самый модный ресторан.

Банки переполнены стажерами; но на толпы юношей, жаждущих постигнуть науку делать деньги, не хватает никаких банков. Все их силы отданы деньгам. Все общие понятия бессмысленны: молодых интересует только та газета, которая не имеет политического направления, зато не упускает подробностей из жизни биржи и спорта. Не относится ли к этим молодым людям то, что писал Бальзак о своих юных современниках! «Кажется, они равно безразличны к страданиям родины и к тому, что причиняет ей эти страдания. Они словно красивая белая пена, венчающая волны во время бури. Они наряжаются, обедают, танцуют, веселятся в день битвы при Ватерлоо».

Заботиться о воспитании этой породы молодых бессмысленно. Они родились вооруженными до зубов; их рефлексы срабатывают на удивление кстати: они устраиваются в жизни так же вольготно, как за рулем своего или отцовского автомобиля. К таким юношам можно буквально отнести народное выражение: «От скромности не помрет».

Но разве нельзя было развить их чувства! Увы, гимнастики для души пока не придумано. В этих юношах ничто не созрело для любви: даже свои страсти они норовят поместить под большой процент, словно капитал.

Есть и другая разновидность подростков, которых как ни воспитывай, вряд ли добьешься толку. Эти могли бы назваться именем Никто: они и впрямь никто, они не существуют. В них нет ничего характерного; все, из чего они состоят,— манера одеваться, убеждения,— заимствовано у окружающих. Они ничего не говорят — только повторяют; они ни о чем не думают — за них думают другие; их речи и поступки — сплошное подражание. Их движущая сила — адаптация к окружающей среде; главное для них — быть «не хуже людей».

В этом случае воспитание приравнивается к дрессировке: в мире полным-полно щенков, которые подают лапу, и жеребят, умеющих опускаться на колени и кивать головой. Эти существа надоедливы, но необходимы; они не нарушают порядка вещей; благодаря этому вышколенному стаду все в мире идет своим чередом.

«...Мой сын не способен на подлость... Конечно, у него есть недостатки, но ложь ему ненавистна!» Так обольщаются наивные родители, но как неразумно с их стороны полагать себя в безопасности! Какая-то частица в их ребенке питает отвращение к подлости, ненавидит лгать — это и есть то пространство его души, которое лучше всего освещено и лучше всего известно родителям; они не отваживаются заглянуть в более темные закоулки; между тем рано или поздно, потрясенные какой-нибудь невообразимой выходкой, они воздедут руки к небу и возопят: «Я никогда не ожидал ничего подобного...» А следовало ожидать чего угодно.

Лицемерие — единственный порок, который, кажется, более или менее чужд этим молодым людям, потому что они умеют без всякой задней мысли увлекаться противоположными мнениями и следовать противоречащим друг другу суждениям.

Зрелый, сложившийся лицемер приводит нас в ужас: это Тартюф. Но взгляните на Жюльена Сореля, изворотливостью не уступающего Тартюфу,— ведь мы любим его, несмотря ни на что, и никакое его коварство не заставит нас его разлюбить. Дело в том, что герой Стендаля — юноша, противоречивость присуща его возрасту; и за все это — за ненависть к тирании и страсть к господству, за неистовство в любви и сознательную жестокость, за тягу к буйству и утонченную хитрость — за всю эту мешанину чувств мы упрекаем юношу не больше, чем упрекаем реку за то, что в ней есть водовороты. Юность страдает от этой внутренней разорванности. Молодой человек хотел бы сделать выбор, принять решение, ни в чем не поступаясь своей безмерной требовательностью.

Бывает, что современные молодые люди, отнюдь не страдая от внутреннего разлада, отдаются без сопротивления водовороту собственных противоречий. Отчаявшись нащупать твердую почву, они уговаривают себя, что множественность — это и есть свойство их натуры. Их единственный закон — повиноваться своим побуждениям и не препятствовать им ни в чем. Они полагают, что даже мораль, и уж тем более логика, деформирует их личность. Они чванятся простодушием, с каким истово следуют противоречивым велениям; они — бродячий хаос и сами себя воспринимают как хаос.

Множество нынешних молодых людей исповедуют убеждение, что основной наш долг — не препятствовать развитию инстинктов. Свою беспорядочность они оправдывают тем, что обязаны быть искренними и не подавлять в себе ничего, даже самого худшего.

Родители бывают единственными, кто не видит болезни, гложущей их сына, между тем как целый свет с любопытством подмечает ее разрушительные симптомы.

Между отцами и детьми высится стена робости, стыда, непонимания, уязвленной нежности. Чтобы эта стена не выросла, требуются усилия, на которые еле хватает человеческой жизни.

Слишком часто родители, не располагая доверием сына, воображают, будто делают для него все возможное, когда окружают свое дитя, достигшее «опасного возраста», всевозможными преградами и формальными запретами. Но жесткие правила и надзор за детьми, принятые в почтенных семьях, оправдываются только на прирожденных тихонях, которым и так не грозит никакая лихорадка. Остальные быстро вырываются на волю. Чем крепче связывают этих хитрых ангелов, тем больше у них прибывает силы.

Юной душе нечего надеяться на помощь извне. Спасение заключено в ней самой.

Среди заметок, сделанных мною на двадцатом году жизни, мне попались слова, подчеркнутые красным: «...хотелось властвовать над жизнью — до дрожи, так, что сами собой сжимались кулаки...» Если тебе нужно спасти молодого человека — улови в нем эту дрожь. Открой ему, что властвовать над жизнью невозможно, пока не научишься властвовать над самим собой; ведь мы сами себя создаем.

Когда юное отчаявшееся существо признается нам в тайных склонностях, обуревающих его, откроем ему, что подобное бремя есть прекраснейшая, достойнейшая часть великого труда. Речь о том, чтобы из материала, предложенного нам судьбой, выстроить свою жизнь. Так пускай преодоление пагубной склонности сослужит тебе службу, пробудит в тебе все жизненные силы — это и будет верхом искусства.

Когда мы наконец заговорим обо всем без ханжества (а этот день недалек), нам удастся показать, что у истоков прекраснейших жизней стояли обузданные пороки. Сдерживаемые страсти питают великую литературу, а также великие деяния.

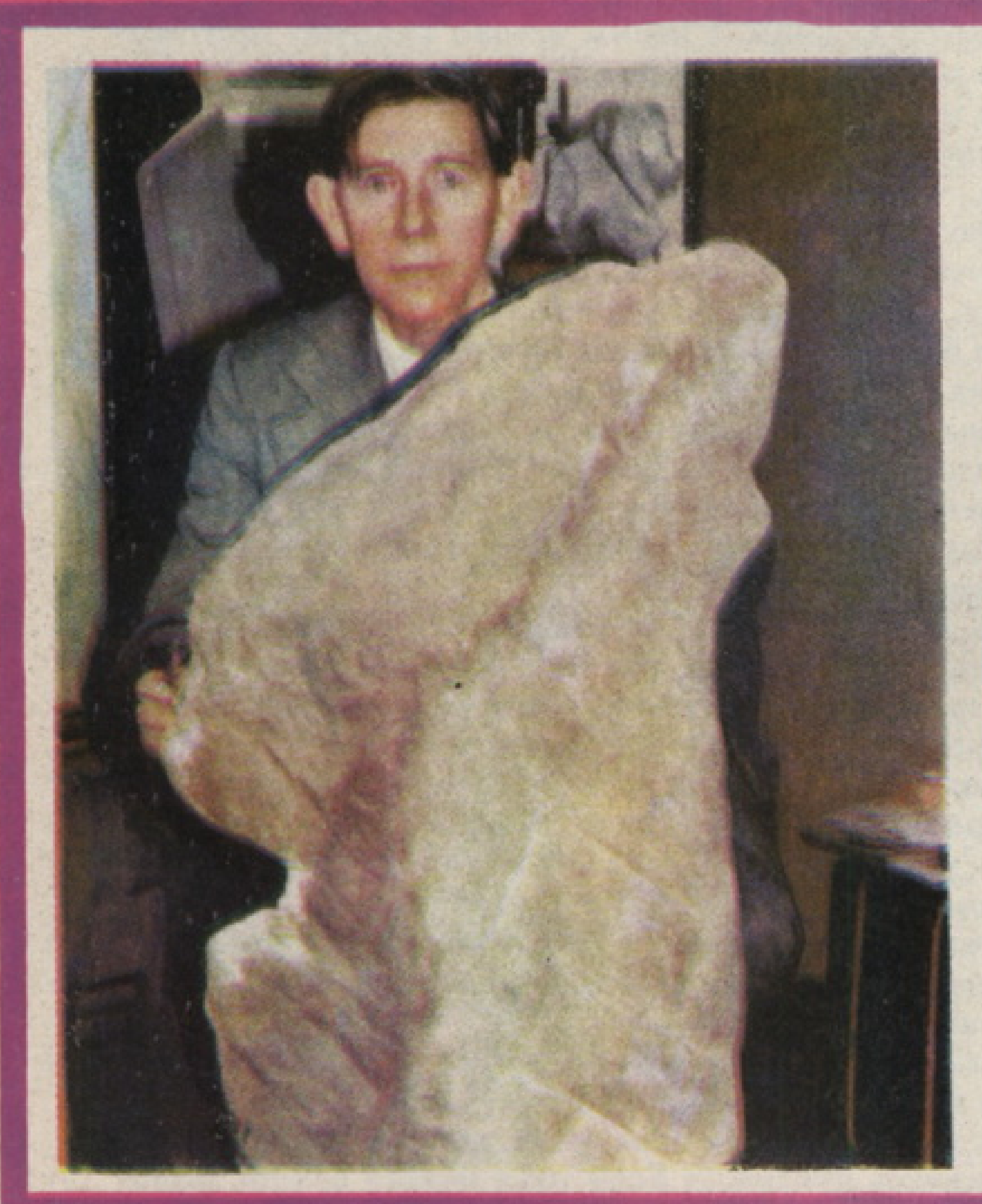
Откроем подросткам, ищущим нашей помощи, что в природе нет чудовищ, а вернее, все мы чудовища в той степени, в какой отказываемся создавать себя. Наша жизнь ценна постольку, поскольку она стоила нам усилий; поэтому не надо удивляться, что на первых ролях почти не видать послушных мальчиков, которых хвалили в коллеже,— этим добрым душам не приходилось себя пересиливать. Решительно все, что в нас есть, даже самое худшее, должно превращаться в наше богатство.

Молодой человек уговаривает себя, что, когда наступит время, он с легкостью приведет себя к повиновению. Но именно в молодости ты создаешь того зрелого мужчину, того старика, которым ты станешь. Самый тайный твой поступок, едва ты его совершил, меняет тебя на вечные времена; ты трудишься над своим вечным образом; после ты его уже не отретушируешь.

Мы любуемся каждым новым поколением, мы верим, что эти новые пришельцы обладают неким секретом, несут нам некую весть, мы одолеваем их расспросами. Мы узнаем в них себя.

Когда мы стареем, нам так трудно хранить верность юношам, какими мы были! Какой тяжкой ношей кажется нашим плечам и рукам та самая истина, которую взваливала на себя с радостными кликами наша пылкая юность! Так спросим же у молодых, в чем секрет их отваги! Мы не сумеем обойтись без них, а они, думаю, не обойдутся без нас.

Сокращенный перевод с французского Елены БАЕВСКОЙ

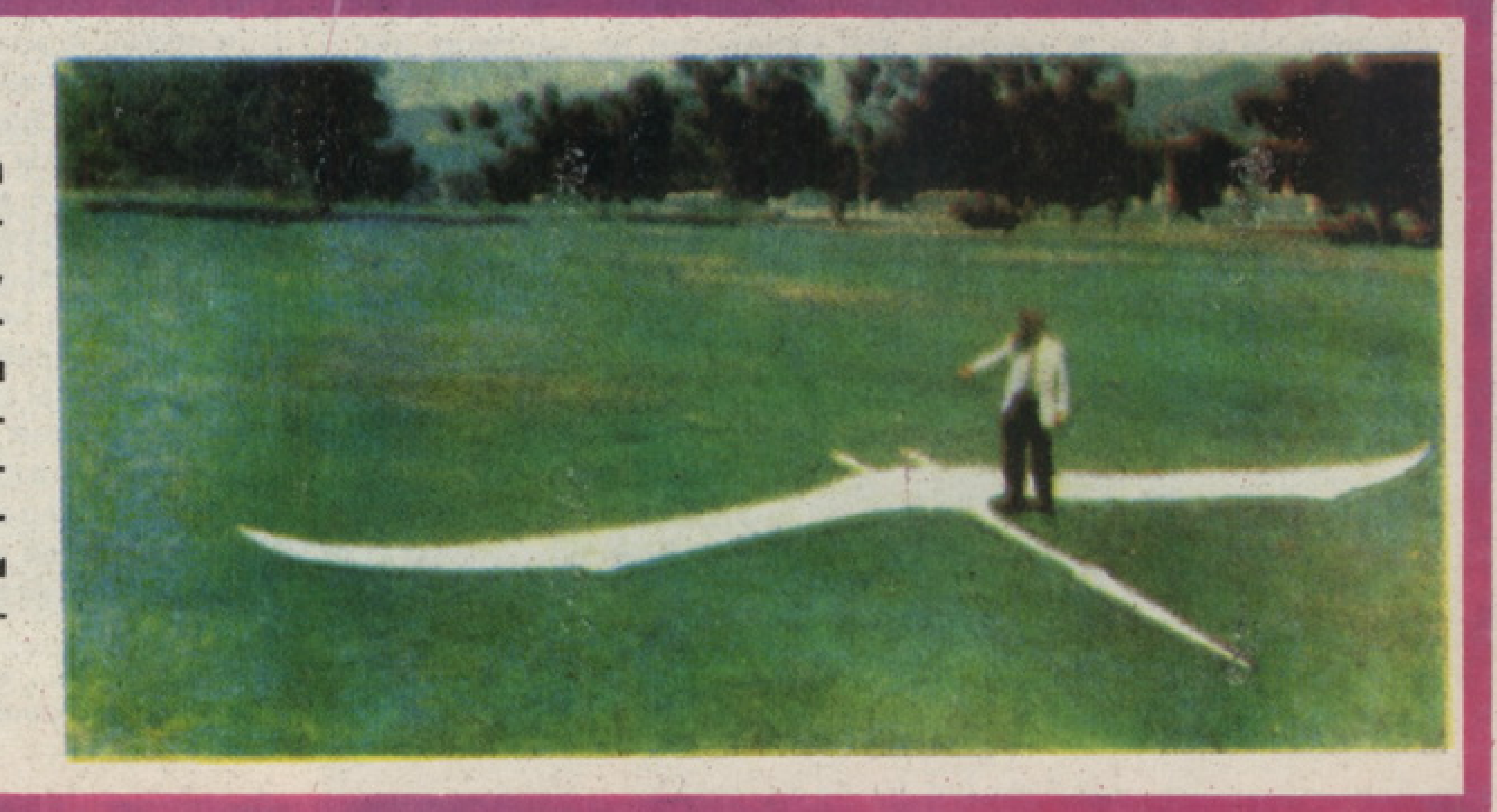
ИСТОРИЯ С БОРОДОЙ. На рисунках в учебниках истории египетский сфинкс — с бородой, на фотографиях — без. Борода со временем отвалилась и долгие века лежала у ног исполина. Но что плохо лежит... Впрочем, история вполне банальная: многие и многие сокровищницы африканской культуры бессовестно разграблены колонизаторами, а сами сокровища переправлены за границу, проданы музеям и в частные руки. То же случилось и с бородой сфинкса, она попала в Англию, в Британский музей. Египет, решив отреставрировать сфинкса, обратился к Англии с просьбой — отдайте бороду! Ни одна из прежних попыток вернуть из западных стран украденные произведения искусства успеха не имела. Но на этот раз бороду возвратили Египту. А взамен Англия получила фигуру божества Анубиса, голова которого хранилась в Британском музее (тоже вывезенная из Египта).

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, БРАТЬЯ ГРИММ! «Посмотрите направо, здесь резвились Белоснежка и семь гномов... А в этом замке, построенном в 1334 году, ночевала Спящая красавица,— говорит гид.— Тут мы поужинаем и переночуем». В этом году в ФРГ работает новый туристский маршрут — по местам, в которых жили-были братья Гримм и писали свои знаменитые сказки. Сказки братьев, уже переведенные на 70 языков мира, в этот год переиздаются в подарочном исполнении, переиздаются сборники собранных ими народных легенд и песен, их знаменитые научные статьи по языкознанию и огромный, 32-томный толковый словарь немецкого языка, и даже «Поваренная книга братьев Гримм»—210 рецептов самых любимых братьями блюд: у братьев Гримм — двухсотлетие!

65 МИЛЛИОНОВ ЛЕТ НАЗАД жил-летал птерозавр с размахом крыльев как у спортивного самолета, с очень длинной шеей, без хвоста, без перьев, вместо которых росла шерсть. Американский конструктор Пол Маккриди решил его воссоздать (смоделированный им альбатрос в 1979 году перелетел Ла-Манш). Птерозавр будет радиоуправляемым, на электромоторе, но «издали совсем как настоящий», утверждает (за неимением очевидцев) конструктор.

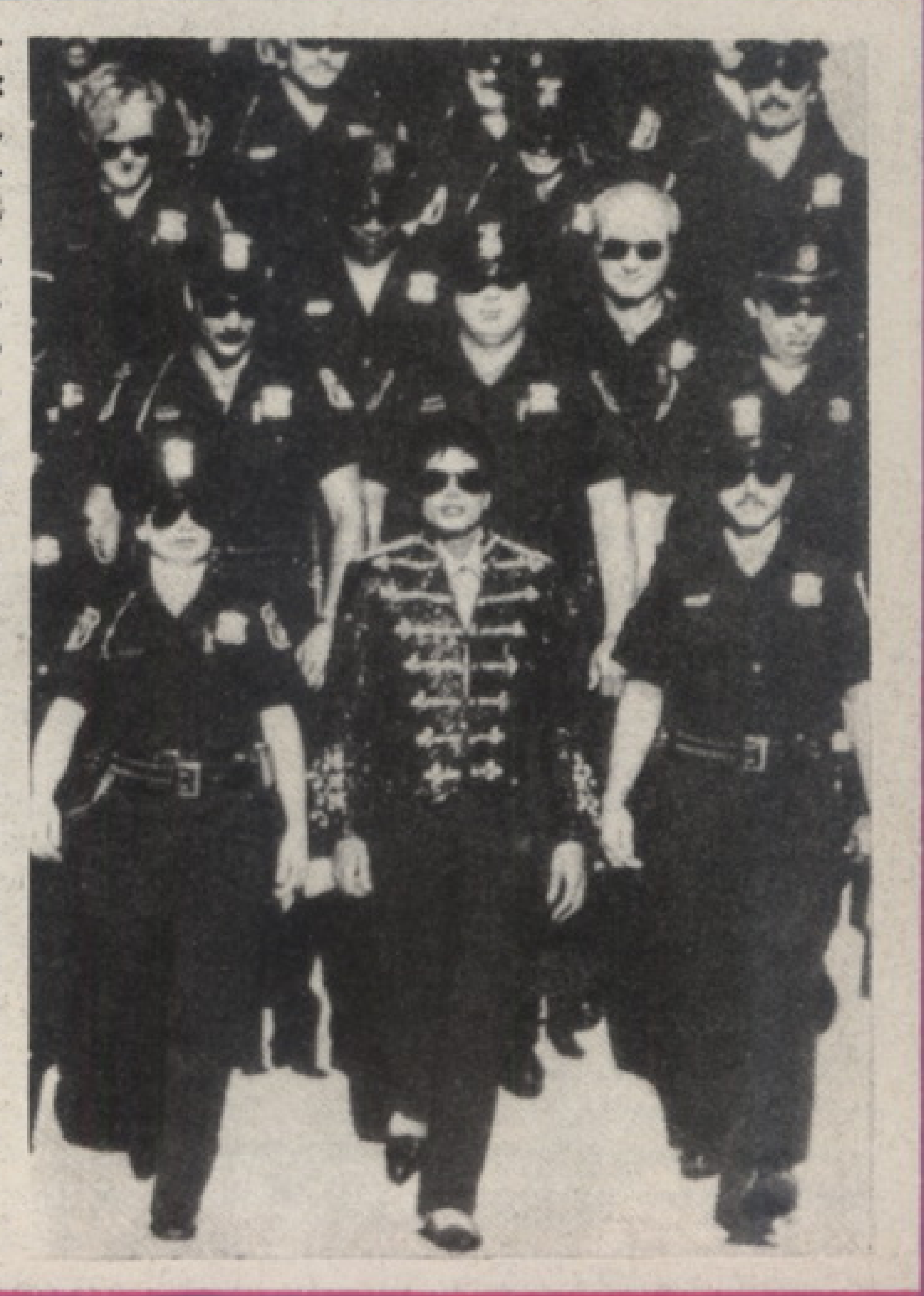

НОВИНКИ РОК-МУЗЫКИ. Если говорить серьезно, то новинок как раз и нет. «Новая волна», о которой так бурно дискутировали критики, потихоньку спадает, и, как выясняется, ее модные воды не сбили с ног поседевших в рокбоях ветеранов. На странице 21 этого номера мы рассказали о воссоединении группы «Дип перпл». А что с их ровесниками и прежними соперниками из «Лед зеппелин»! Вокалист Роберт Плант, объединившись еще с несколькими музыкантами из разных распавшихся групп, выпустил пластинку с записями популярных мелодий сороковых-пятидесятых годов. Бывший его коллега, лидер-гитарист Джимми Пейдж в компании с певцом Полом Роджерсом из бывшей «Бэд компани» выступил с концертом, в котором исполнял свои новые, но сильно напоминающие старые вещи. А бывший руководитель «Криденс клиэутер ривайвл» Джон Фогерти нарушил длившееся десять лет молчание. Первыми слушателями были его трое детей. Они и подсказали папе, о чем нынче следует петь, чтобы не отстать от моды.

ИЗ ЛЮБВИ К ИСКУССТВУ. В Америке, говорят, прошли времена, когда рок считался «музыкой бунта». И сейчас, правда, есть артисты, пытающиеся рок-посланиями пробудить совесть обывателей, но отнюдь не эти неудобные ребята фигурируют в прессе и на телеэкранах. И все ж без рока тоже как-то нельзя: вроде ведь национальная музыка. К услугам обывателей — «охранительный рок» и его певец Майкл Джексон. Выходец из некогда известной вундеркиндской группы «Джексон файв», он ухитрился сохранить «подростковый» голос и в интервью всячески подчеркивает свою детскость и невинность: мечта мамаш, вечное дитятко. Пластическими операциями он так изменил свою внешность, что кожа осталась темной, но черты стали «белыми»: мечта расистов, «дрессированный негр». В своем последнем турне Майкл Джексон пел в сопровождении хора настоящих полицейских. Ради такого дела они оторвались от своих непосредственных обязанностей: разгона антирасистских демонстраций и митингов, на которых выступают «неудобные» рок-певцы.

ВЕРНОСТЬ ТРАДИЦИЯМ. По традиции английские судьи до сих пор выступают на процессах в пышных париках и мантиях. По традиции спикер палаты общин до сих пор сидит на мешке с шерстью... Если иные из традиций никому особенно жить не мешают, то что делать с традицией, согласно которой в британских школах секут учеников (подсчитано, например, что в прошлом году секли каждые 19 секунд)! Наконец те из законодателей, которых, видно, в детстве немало били, добились отмены телесных наказаний, но...— нельзя уж так круто ломать устои — порка отменяется только с согласия родителей каждого конкретного воспитуемого.

ПОД ПАРУСОМ ПО ПУСТЫНЕ. В Тунисе, на высохшем соляном озере, прошел первый чемпионат мира по сухопутному виндсерфингу. Участвовали 63 человека: 46 французов, несколько бельгийцев (они выиграли все гонки) и один итальянец. Сухопутный виндсерфинг — спорт совсем новый, придуман он всего 6 лет назад французом Арно де Розне, тогда под парусом он пересек пустыню Сахару. Но, как известно, новое — хорошо забытое старое: историки утверждают, что еще в 1970 году до нашей эры фараон Аменемхет I катался по пустыне на доске с парусом.

РОК КАК ЕСТЬ

Ник КОН,
английский журналист

Рис. С. ТЮНИНА

(Очерки очевидца истории поп-музыки)

Классический рок

Итак, рок-н-ролл был очень простой музыкой. Самое существенное в нем — это шум, который он производил, и сильная эмоциональная реакция, которую он стремился вызвать. По замыслу своих создателей рок должен был привлекать агрессивностью и новизной. В нем разрешалось все.

В большинстве рок-песен связного текста практически не было — его заменяли отдельные выкрики, которые недалеко ушли от тарабарщины. И дело здесь не в тупости или неспособности сочинителей. Это был своего рода шифрованный язык, цель которого заключалась в том, чтобы сделать рок совершенно непонятным для «непосвященных». Другими словами, либо вы принимаете весь этот шум за чистую монету, либо «выпадаете» из игры.

Продолжение. Начало см. в № 4 за 1985 год.

При таких правилах игры волна рока выплеснула целое полчище людей с гитарами, молодых, одержимых мечтами об успехе, которые в любое другое время стали бы посмешищем, но оказались впору настроениям пятидесятых годов. Это были энергичные и неистовые молодые люди, использовавшие музыку в качестве тарана. Из них формировались бесчисленные группы, колесившие по Америке, ослепляя и оглушая всех и вся на своем пути блеском парчи и набриллиантиненных голов, безумными воплями, сопровождавшимися головокружительными прыжками и шутовскими ужимками. Из их среды, что ни месяц, выдвигалась очередная звезда, затмевавшая всех своих предшественников, чтобы тут же сгореть в лучах нового светила. Рок был неосвоенной территорией, и самый пустяковый, но дотоле не применявшийся трюк провозглашался «эпохальным» шагом вперед. Лишь примерно к 1960 году страсти поулеглись: рок стал сложнее, утонченнее, если хотите, содержательнее. Но в пятидесятые годы царила сплошная анархия.

Первой пластинкой, которую я купил, была пластинка Литтл Ричарда. Одним махом она приобщила меня к таинству рока, и все другие пластинки, которые я потом покупал, не могли сообщить мне на этот счет ничего нового. Это была «Тутти-фрутти» — абракадабра, идеально выражавшая суть рок-н-ролла.

В предшествовавший року период певец мог рассчитывать на успех при условии, что он был белым, обладал изящными манерами, умел красиво говорить и притворяться романтической натурой. Теперь же наступили времена, когда можно было быть кем угодно — и белым, и черным, и полосатым, и слабоумным, и хулиганистым, и непристойным — и все равно зарабатывать кучу денег. Требовалось лишь одно — уметь взвинчивать публику.

В какой-то мере мы двигались к новой демократии (понятно, на капиталистический манер.— *Ред.*) — от человека требовалось лишь обладание определенным долларовым потенциалом, и клич «вкалывай, беби, зашибай деньгу!» вызывал самый необузданный энтузиазм. Как раз это и делал Литтл Ричард в своей «Тутти-фрутти».

Почти все ранние рокеры вышли с Юга Америки: Элвис из Миссисипи, Литтл Ричард из Джорджии, другие из Техаса, Луизианы, Виргинии. Это те самые штаты, жизнь в которых всегда была самой тяжелой, где о подростках заботились менее всего и где поэтому ответная реакция была самой яростной.

С другой стороны, Юг всегда отличался разнообразием музыкальных традиций: ритм-энд-блюз, кантри-энд-вестерн, джаз и госпел. Музыка Юга была более искренней и менее претенциозной, чем музыка Севера. Она имела мощный бит, а певцы не стеснялись в выражениях. Поэтому на Юге рок прижился легко и естественно. При этом рокеры стали использовать все музыкальные источники, бывшие под рукой. Если раньше музыкой белых был только кантри-энд-вестерн, а музыкой черных — только ритм-энд-блюз и эти стили никогда не перекрещивались, то теперь произошло смешение самых, казалось бы, несовместимых стилей. Такая смесь белых и черных музыкальных традиций придала южному року особый привкус. Конечно, это «расовое взаимодействие» не имело ничего общего с расовой терпимостью. Черные исполнители заимствовали у белых, белые у черных, но это не значило, что они любили друг друга. И те и другие просто перенимали друг у друга то, что им нравилось.

Из всех знаменитых южных рокеров самым ярким был вышеупомянутый Литтл (Малыш) Ричард Пенниман из города Мейкон, штат Джорджия.

Выглядел он великолепно: мешковатый пиджак с широченными брюками, неописуемая прическа в виде какого-то фонтана, тоненькие усики и совершенно исступленное выражение лица.

То, что он вытворял с фортепьяно, меньше всего можно было назвать игрой на этом инструменте. Он молотил по нему с таким остервенением, будто собирался разнести вдребезги, потом взби-

рался на него и начинал бить по клавиатуре пятками. Все это сопровождалось оглушительными воплями. Голос у него был мощный, напоминавший рев разъяренного быка. Его выносливость была поразительна, а энтузиазм безграничен. Все его песни были, по существу, антипеснями: в них не было ничего, кроме основных 12 тактов да бессмысленных стишков, но он подавал их так, будто каждый слог отлит из чистого золота. Он пел с отчаянной верой, с настоящим религиозным пафосом: «Мисс Молли! Ты умеешь веселиться! О, черт побери, как ты пляшешь рок!»

Мое знакомство с Ричардом состоялось в 1963 году, когда он выступал в одном концерте с «Роллинг стоунз», Бо Диддли и братьями Эверли. Он затмил их всех. Вид у него был что надо: глаза лезли из орбит, на лбу взбухали вены. В довершение всего он стал срывать с себя одежду — пиджак, галстук, запонки, сверкавшую золотом рубаху, огромные часы с бриллиантами. Публика безумствовала — визжала и прыгала в проходах, совсем как в ранние годы рока.

Объективно говоря, Ричард делал все то же, что и другие исполнители рока, только делал он это с непостижимой, прямо-таки фантастической энергией, которая напрочь выматывала публику. Это был натуральный южный рок — яростный, тяжеловесный, мощный.

Закончив свой номер, он сладко улыбнулся и сказал: «О, этот Малыш Ричард, он такой славный парень...»

«Школа»

«Школа», или школьный рок,— детище Севера. Что это такое — северный рок — легче всего понять, прослушав пластинку Стэна Фреберга, в которой поется о менеджере, «открывшем» абсолютно бездарного молодого человека, стремящегося к славе рокера. Менеджер делает из него как раз то, что надо, прибегая к помощи палки, которой буквально выколачивает из бедняги высокие ноты. Молодому человеку остается совсем немного: снова и снова выкрикивать слово «школа». Запись эта моментально стала хитом.

Следует добавить, что «школа» — это не музыкальная форма, а определенная система взглядов и настроений. Суть их добрую сотню раз повторена в голливудских фильмах, настоящих образчиках «школы»: девушка из хорошей семьи влюбляется в рокера. У него было суровое детство, он грубоват, резок и угрюм, но, в сущности, это добрый малый. Отец девушки, узнав о том, что его дочь встречается с каким-то хулиганом, требует, чтобы они немедленно расстались. Происходят бурные сцены, проливаются потоки слез, но в конце концов молодому певцу удается убедить несговорчивого папашу, что он отличный парень. Все счастливы. В заключительной сцене молодежь отплясывает рок, а будущий тесть изящно танцует фокстрот. Всем весело, все смеются.

«Школа» породила бесчисленное множество групп, которые с ходу выпускали какой-нибудь «грандиозный» хит, после чего бесследно исчезали словно бабочки-однодневки. Впрочем, большего они и не заслуживали. Долго ли могла прожить песня, состоящая, к примеру, из таких вот двух фраз: «Кто носит короткие шорты? Мы носим короткие шорты!» Или все эти «Когда?», «На танцах», «Моя малышка» и так далее с удручающим однообразием содержания и не менее однообразным музыкальным рисунком: внизу — бас, вверху — фальцет (помните палку?), невнятное бормотание посредине...

Если южный рок внес в популярную музыку нечто новое — шум, агрессивность, смесь ритм-энд-блюза и кантри-энд-вестерна, приправив все это забавной чепуховиной и несусветной тарабарщиной, то «школа» и не пыталась вырваться за пределы «белых» традиций. Ее солисты — миловидные мальчики — старательно повторяли Фрэнка Синатру. Новым было лишь то, что «школа» обслуживала исключительно подростковый рынок и ничуть не заботилась о качестве самой музыки, которая была откровенно беспомощной. По сути дела, полная музыкальная беспомощность и составляла отличительную черту «школы». Было еще одно существенное отличие, сделавшее «школу» мишенью для насмешек всей остальной рок-братии и породившее множество карикатурных пародий, в которых высмеивалась безликость исполнителей «школы», их рабская зависимость от пройдох-менеджеров. Конечно, зависимость от бизнеса испытывали все, но если южные рокеры пользовались относительной свободой в составлении репертуара, создании своего сценического имиджа и даже записи пластинок, то ребята из «школы» были не более чем марионетками.

Именно на почве «школы» расцвел пышным цветом и стал центральной фигурой едко высмеиваемый, но практически неуязвимый бизнесмен, этакий самоуверенный господин средних лет с толстой сигарой в зубах: менеджер, агент, продюсер, диск-жокей или же просто деляга-«толкач», которому безразлично решительно все, кроме денег. С его легкой руки в шоу-бизнесе получило распространение ставшее впоследствии характерным явление, именуемое «хайпингом».

«Хайпинг» означает «проталкивание музыкальной продукции с помощью бессовестной рекламы, подкупа, давления на нужных людей». Главное, ничего не пускать на самотек, использовать все средства: взятки диск-жокеям и журналистам, вечеринки для телепродюсеров и т. д. И все это, разумеется, в дополнение к обычным рекламным мероприятиям.

«Хайпинг» — неотъемлемая черта шоу-бизнеса. Он стал настолько привычным, что его уже почти не замечают. Вряд ли найдется хоть одна крупная звезда, за которую никогда не выкладывалась бы та или иная сумма на «хайпинг». Конечно, это неэтично и даже, может быть, незаконно, но, если на то пошло, любой бизнес неэтичен.

Пятидесятые годы стали золотым веком «хайпинга». В 1959 году разразился грандиозный скандал в связи с одним из его проявлений — «пэйолой», взятками, которые получали диск-жокеи за то, чтобы почаще проигрывать по радио те или иные пластинки. Однако прошло время, и все снова вернулось на круги своя.

Но вернемся собственно к «школе». Самым знаменитым «школьником» был Поль Анка, канадский мальчик из Оттавы. В 14 лет он сочинил песню «Дайана». Это был толстенький одинокий мальчик. Со скуки он начал писать песни и петь их в своей округе.

Надо отдать должное Полю, он был рожден для шоу-бизнеса — ослепительная улыбка, удивительная самоуверенность. Он не смущался позировать вместе с содержателями ночных клубов, целовать в рекламных целях восходящих кинозвезд и подмигивать фоторепортерам. Эти способности принесли свои плоды: Поль Анка приобрел известность самого молодого миллионера в Америке. Ему удалось продержаться довольно долго. Конечно, таких крупных хитов, как в начале карьеры, у него больше не было, зато он стал боссом империи грамзаписей и в 30 лет возглавил корпорацию музыкальных компаний. Он добился всего, о чем может мечтать американец. И все благодаря тому, что в 14 лет его посетило вдохновение и он написал вот эти чепуховые строчки: «Моя дорогая, мне говорят: ты так молод, она намного старше тебя», написал «Дайану», самую «школьную» из всех «школьных» песен.

«Школа» была своего рода семейной игрой, в которой каждый исполнитель тянул раз и навсегда избранную роль. Так, роль «отца» играл диск-жокей Дик Кларк — к концу 50-х годов он стал самым влиятельным человеком в поп-индустрии. На телевидении он вел эстрадную программу, в которой проповедовал веру в бога, Америку и истинную любовь. Дик Кларк призывал подростков любить своих пап и мам и чаще мыть уши. Он стал голосом подростковой совести, и его слово имело большой вес.

Роль «старшего брата» играл певец и киноактер Пэт Бун, который отчаянно любил читать нравоучения. Когда его спрашивали, откуда у него такие высокие моральные качества, он отвечал, что они воспитаны в нем с детства, потому что его регулярно секли.

С ролью «старшей сестры» лучше других справлялась Конни Фрэнсис, леди из Ньюарка с красивым высоким голосом. Мастерица петь сентиментальные баллады, она была идеальной представительницей «школы», ибо ни в ком не возбуждала греховных мыслей. Иногда ей давали спеть забористые роки, но она всегда умудрялась исполнить их так, что казалось, будто их только что опрыскали инсектицидом. В свободное время Фрэнсис изучала психологию.

Музыка «школы» была, конечно, чепухой, но как казус она все же имела свои прелести и продавалась в феноменальных количествах. «Школа» с ее мещанской благопристойностью была точным отражением того, о чем мечтали и что действительно любили белые американские подростки из средних классов.

Английский рок

А теперь снова вернемся в начало пятидесятых годов и перенесемся из Америки в Англию. Это было поразительное время в английской эстраде: никто не умел петь, никто не умел сочинять, и всем на это было наплевать. Шоу-бизнес находился в состоянии постоянной истерии, которую сам же искусственно взвинчивал, превознося посредственность. Здесь процветали все формы жадности, мошенничества и глупости.

Крупнейшими звездами были исполнители, которых я бы назвал автоматами. Они выступали с танцевальными оркестрами и, раз утвердившись, могли чувствовать себя спокойно всю жизнь: годы шли, но ничего не менялось. Их репертуар был таким же слащавым и бессмысленным, как и у американских коллег. А сами исполнители были даже хуже: у них не было того своеобразного чутья и стиля, которыми, несомненно, обладали американцы вроде Синатры. Это была совершенно бесцветная публика.

В те годы пластинки не имели особого значения. Самые большие доходы приносили публичные выступления и издание нот. Соответственно весь бизнес находился под контролем издателей, которые заключали долгосрочные соглашения с Би-би-си, оплачивая рекламу по радио своей нотной продукции. Взамен Би-би-си гарантировала, что каждая программа популярной музыки будет по крайней мере наполовину состоять из песен, за которые уплачено. Практически это означало, что ни одна песня не выйдет в эфир и, следовательно, не получит широкой рекламы, если это не в интересах крупнейших нотных издательств. Это была монополия, и до середины пятидесятых годов никто в Англии не мог рассчитывать на успех, не запродав себя издателям.

Рок эти традиции опрокинул. Началось с того, что пластинки стали вытеснять нотные записи, а место издателей заняли менеджеры, продюсеры, звукоинженеры. Впрочем, издатели живут безбедно и сейчас, продолжая получать свою долю, заключать сделки и богатеть, но они больше не монополисты. Никто не берет у них интервью, никто не приглашает на телевидение, и никто больше не раболепствует перед ними.

Рок выдвинул новое поколение дельцов — более молодых, выносливых, предприимчивых и наглых. Многие из этих деляг начинали свою карьеру в какой-то другой области — кино, журналистике и т. д. С приходом рока они сразу учуяли в нем золотую жилу и не ошиблись.

Их вкусы оказали существенное влияние как на подбор исполнителей, так и на манеру держаться на сцене и одеваться. Конечно, я несколько упрощаю — в общем сдвиге в сторону броской яркости и изнеженности сыграли свою роль и многие другие факторы, однако влияние менеджеров на феминизацию моды тех лет, которую подхватили подростки, ставшие отпускать длинные космы и облачаться в кричащие наряды, неоспоримо.

Первым крупным английским рокером стал Томми Стил. Его судьба довольно показательна, чтобы на ее примере проследить процесс делания молодежных идолов. Томми Стила запустили на орбиту в 1956 году, когда ему было 18 лет. Он служил в торговом флоте. У него были пышные вьющиеся волосы и открытая улыбка. Его обнаружил в одном из кафе человек по имени Джон Кеннеди. Это был новозеландец, перепробовавший множество всяких профессий и обладавший известным чутьем и изобретательностью.

Что и говорить, Джон Кеннеди хорошо поработал с Томми Стилом. Он начал с того, что стал лепить из него еще одного Элвиса Пресли и делал это с большим шумом, воображением и энергией. За каких-то полгода Томми оказался на первых местах в таблицах популярности.

Надо отдать должное и самому Стилу: он здорово попотел, чтобы оправдать усилия, затраченные на него. На сцене он извивался, старательно подражая заокеанскому образцу, и все-таки было видно, что он не очень подходит для предназначенной ему роли. Беда в том, что Томми Стил был рожден для совсем другого амплуа в шоу-бизнесе: он мгновенно привлекал своим обаянием... только не подростков, а их родителей, которые, глядя на него с умилением, думали: «Нет, тут нет обмана. С этим парнем все в порядке». И Томми не подвел их, он как можно скорее переключился с рока на баллады и комические сцены, разучил чечетку, стал аккуратно причесывать волосы, облачился во фрак и даже сыграл несколько ролей в пьесах Шекспира.

Подростки, естественно, тут же разочаровались в нем, пламенно полюбив других идолов. Но для Томми это уже не имело существенного значения: он утвердился в качестве «семейного развлека-

теля», стал непревзойденным шоу-бизнесовским стереотипом — обаятельный кокни, всегда веселый и жизнерадостный.

Одним из тех, кто чуть было не превратил рок в почти респектабельное занятие, стал Клифф Ричард. Секрет его успеха заключался в том, что он был вроде какого-то волшебного экрана, на который каждый мог проецировать свои фантазии. Он был красивым парнем, с которым любая девчонка сочла бы за счастье встречаться, идеальным сыном, которым гордилась бы любая мать, хорошим товарищем, о каком мог только мечтать любой школьник, серьезным юношей, которому с удовольствием покровительствовал бы любой интеллектуал. Это был классический английский вариант достижения всеобщего успеха — стать «чистой белой стеной», на которую каждый может нанести рисунок по собственному вкусу.

Несмотря на сияющую чистоту своего образа, Клифф никогда не был таким уж простачком. Первый успех пришел к нему в семнадцать лет, но он был слишком зрелым для своего возраста и очень хорошо знал, что такое жизнь. Может быть, поэтому он никогда не поддавался на обман и не позволял менеджерам обвести себя вокруг пальца, обнаруживая в делах незаурядную проницательность.

Поначалу Клифф Ричард был задуман как еще один запрограммированный «вихлятель бедрами» и «бунтарь», но вскоре обнаружилось, что такое амплуа не для него — Клифф не был достаточно груб. С первого взгляда было ясно, что этот парень с его мелодичными песенками и ослепительной белозубой улыбкой не способен на насилие. Он был весь такой гладкий, прилизанный, сияющий чистотой, о которой простые смертные могли только мечтать, что в роке ему попросту нечего было делать. Клифф был рожден петь баллады.

Его первый балладный хит «Живая кукла» стал самым популярным английским «синглом» целого десятилетия. Это была легкая, сладкая, ритмичная и мелодичная песенка — британский эквивалент «школы». За несколько месяцев он вытеснил все остальное и занял ведущие позиции, казалось, нанеся року смертельный удар. Не осталось ни яростного напора, ни фарса, ни юродства. Как будто вернулись дороковые годы.

Нужно сказать, что Клифф по крайней мере хорошо делал свое дело. Он много работал и достиг высокого профессионализма. Будучи паточно-сладким, он все же не вызывал отвращения. В общем, он был симпатичным человеком — скромным, неглупым и глубоко порядочным.

Вершиной Клиффа стал снятый в 1962 году музыкальный фильм «Молодые», ставший олицетворением мелкобуржуазной мечты о безоблачном благополучии. В той сцене, где он поет заглавную песню, об этой мечте сказано все: он на пляже, смотрит на свою подругу, улыбается ей своей ослепительной улыбкой, сверкая ослепительно белыми зубами. Вокруг них резвятся подростки, все до одного здоровые, красивые и счастливые: раса господ. Среди них нет стариков, нет негров, ни у кого не пахнет дурно изо рта: «Дорогая, мы молоды, мы еще дети. Придет время, и у нас появятся свои детишки». Улыбается он, улыбается она, все улыбаются.

Этот фильм вышел в самый пик «макмиллановского периода»[1], как раз перед тем, как кривая популярности Клиффа резко пошла вниз, и блестяще отразил самодовольство и оптимистические настроения того времени. Конечно, самообольщение не могло продолжаться долго, и возвращение к «национальной реальности» низвергло Клиффа с его вершины с такой же неизбежностью, с какой закатилась звезда Макмиллана.

Упав с вершины, Клифф, однако, не разбился. Он остался популярным солистом, его пластинки продолжали раскупаться, а фильмы с его участием шли с аншлагами. Просто он перестал быть в центре и уже не был выразителем преобладающих среди англичан настроений. Люди чувствовали, что времена опять становятся трудными, что жизнь не такая уж волшебная сказка. Теперь нужно было что-нибудь земное, настоящее. Иными словами, нужны были «Битлз».

Битломания нанесла Клиффу Ричарду суровый удар, но он стойко принял это потрясение. Он хвалил «Битлз», не огрызался, когда они грубо о нем отзывались, и всегда сохранял достоинство. Он просто аккуратненько отошел на второй план и остался таким же кротким. В конце концов, имея годовой доход в 100 тысяч фунтов, он мог позволить себе быть добрым.

Таким был английский рок пятидесятых годов.

(Продолжение см. в № 8)

[1] *В 1957—1963 годах премьер-министром Великобритании был консерватор Гарольд Макмиллан.— Прим. ред.*

Перевел с английского
А. СОКОЛОВ

Редакция приносит читателям извинение за допущенную в № 5 ошибку в отношении авторства текста песни «Катюша», который принадлежит известному советскому поэту М. Исаковскому. Виновные в ошибке наказаны.

В НОМЕРЕ:

На первой странице обложки: «По дороге в школу» назвал этот снимок его автор чехословацкий журналист Павел Безушко. И в этом не было бы ничего удивительного, если бы маленький Хосе не жил на коралловом рифе возле маяка Пунто-Майси, в деревушке, до которой добраться можно только вертолетом. Но и здесь народная власть революционной Кубы позаботилась, чтобы дети росли здоровыми — открыт медпункт, грамотными — построена школа, с широким взглядом в мир — есть радио и телевидение.

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, А. С. ГРАЧЕВ, Ю. А. ДЕРГАУСОВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Ц. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора), Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ

Художественный редактор В. В. Рыжов
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор Н. А. Строева

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-20. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 02.04.85. Подп. к печ. 14.05.85. А00749. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,4. Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 1 250 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 625.

Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

«Вольный ветер летит куда хочет, и голубка в полете свободна...» — это припев старой мексиканской песни, в которой говорится о батраке, посмевшем восстать против хозяина. «Жизнь так длинна, и мне всю жизнь больно...» Американский певец и собиратель народных песен Пит Сигер записал ее в сегодняшней Калифорнии, где трудятся мексиканские сельскохозяйственные рабочие, те же батраки.

«Мы живем на всей земле, мы, люди труда. Мы создавали эту землю, строили на ней дома, и от нас зависит на ней все. Мы перестраиваем мир, мы зажигаем новые звезды. Пойте с нами на всех языках — будущее в наших руках!» — а эту песню композитор из ГДР В. Хайкинг и поэты Р. Андерт и Г. Кёниг написали специально к X Всемирному фестивалю молодежи и студентов, который проходил летом 1973 года в Берлине.

Песни тех, фестивальных, лет

СЛОВНО ВОЛЬНЫЙ ВЕТЕР...

Припев:

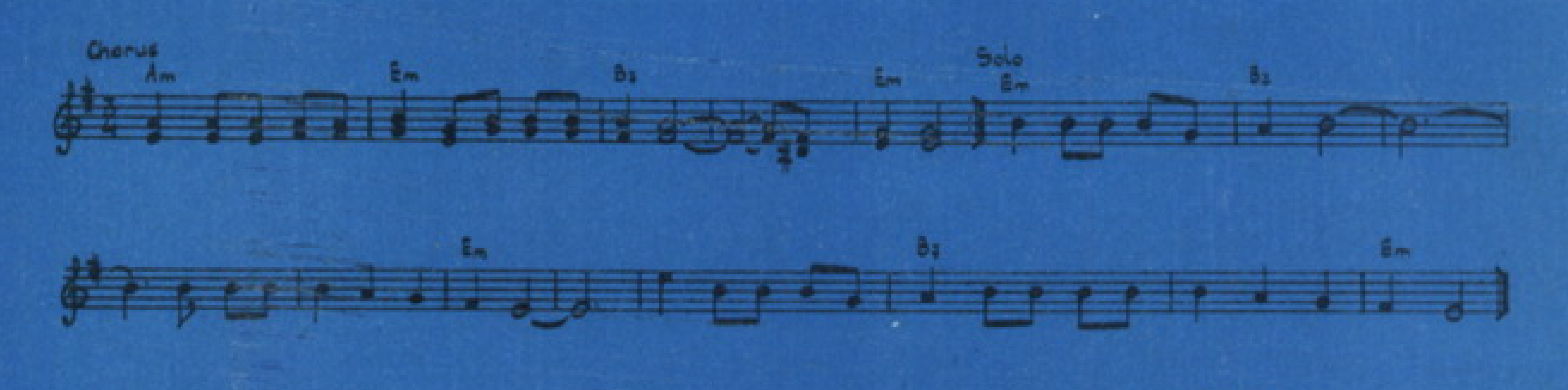
Ser como el aire libre,
No mas se pase volando
Ser como la paloma
Tambien se pasa volando.

1. Cuando yo era chico,
Mi madrecita decia,
«Cuidate mi mijito,
No te me metas en lios».

Припев.

2. Y ahora que yo estoy grande
Estas palabras me duelan.
Porque la vida es larga
Y yo la paso llorando.

Припев.

МЫ — ПОВСЮДУ НА ЗЕМЛЕ

1. Wir sind überall auf der Erde,
Auf der Erde leuchtet ein Stern,
leuchtet mein Stern.

Припев:

Leuchte, mein Stern,
auf jedem Hut,
in jedem Herz,
jedem Haus!
Leuchte, roter Stern
und gib mir Mut!
Leuchte, mein Stern,
weit hinaus.

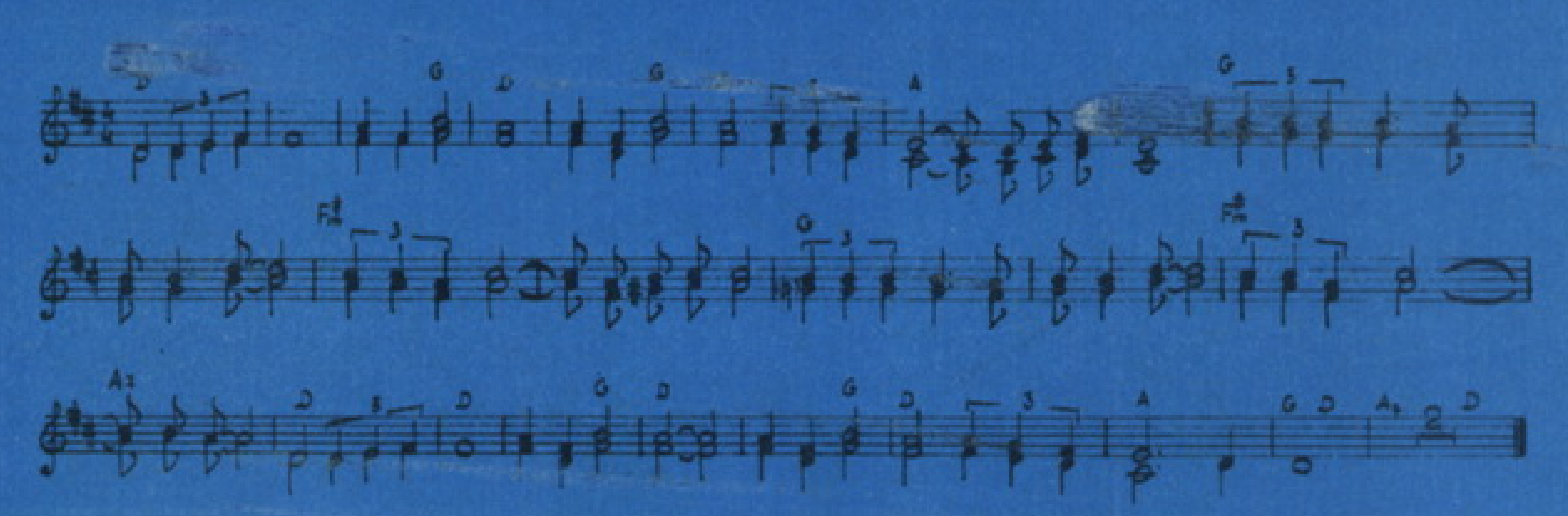
(Повторить 1-й куплет.)

2. Wir haben gewagt auf der Erde,
auf der Erde uns zu vertrauen,
uns zu vertrauen,
Wir haben gewagt, uns die Erde,
uns die Erde wohnlich zu bauen,
besser zu bauen.

Припев.
(Повторить начало 2-го куплета.)

3. Wir bleiben dabei: Auf der Erde,
auf der Erde muss Frieden sein,
wird Frieden sein.

Припев.
(Повторить 3-й куплет.)

Индекс 70781
Цена 35 коп.